
ГЛАВА ВТОРАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Различие в преобразовательной деятельности преемников царя Алексея Михайловича. - Дети царя Алексея от обоих браков. - Польское и немецкое влияние. - Известия о вступлении на престол Феодора. - Ссылка Матвеева. - Ссылка духовника Андрея Савинова. - Отягчение участи Никона. Любимцы царя - Языков, Лихачевы. - Брак Феодора на Агафии Семеновне Грушецкой. - Быстрое возвышение Языкова и Лихачева. - Князь Вас. Вас. Голицын. - Окончание дела с Дорошенком. - Дела Рославца и Адамовича. - Дорошенко в Москве. - Манифест Юрия Хмельницкого. - Пересылка с гетманом Самойловичем о Серке и Дорошенке. - Ссылки Рославца и Адамовича. - Первый чигиринский поход. - Мнения Ромодановского и Самойловича о Чигирине. - Дела запорожские и посольство в Турцию. - Второй, чигиринский поход. - Сношения с Польшею. - Мирные переговоры с Турцией. - Переговоры в Крыму и мир с султаном и ханом. - Дорошенко-воевода. - Смерть Серка. - Дела шведские, датские, австрийские. - Калмыки и казаки. - Волнения башикирцев. - Борьба с киргизами, самоедами, якутами и тунгусами в Сибири, злоупотребления здесь приказных людей. - Внутренняя деятельность правительства при царе Феодоре. - Вопрос о торговле шелком с армянами. - Постановление о торговле с греками. - Смягчение наказаний за уголовные преступления. - Новая форма челобитных. - Раскол. - Церковный собор 1681 года. - Обращение иноверцев в христианство. - Постановления о воеводах. - Финансовые меры. - Уничтожение местничества. - Проект отделения гражданских должностей от военных. - Проект академии. - Смерть царицы Агафьи и царевича Ильи. - Второй брак царя и кончина его. - Смерть Никона. - Облегчение участи Матвеева.

Русская земля всколебалась и замутилась, русский народ после осьмивекового движения на восток круто начал поворачивать на запад; поворота, нового пути для народной жизни требовало банкротство экономическое и нравственное. Раздались голоса о необходимости приобрести средства, которые бы сделали народ сильным, снискали ему уважение других народов, дали бы ему богатство и подняли его нравственность; раздались голоса о необходимости учиться, и явились учителя с разных сторон: греческие и западнорусские монахи, западнорусские шляхтичи с польским школьным образованием, явились и учителя иноплеменные и иноверные с дальнейшего Запада, немцы, учителя ратного искусства и разных других искусств и ремесл. Учителя эти столкнулись со старыми учителями, произошла борьба и раскол; люди, испуганные движением, *новшествами*, завопили о кончине мира, о втором пришествии, об антихристе. И они были правы в известном смысле: старая Россия оканчивалась, начиналась новая.

Но при этой несостоятельности старого, при этих требованиях нового каким же путем должен был совершиться переворот? Мы видим, что все и со всем обращаются в Москву к великому государю, и видим также ясно, что это обращение происходит необходимо от слабости, мелкости отдельных миров, от osobности их друг от друга и в то же время от внутренней розни, происходящей при всяком соединении сил, при всяком общем действии, одним словом - от детского состояния их, от детской беспомощности. Сверху дается полная свобода: всякое челобитье о каком-нибудь новом распорядке принимается, пусть распоряжаются, как хотят; поссорятся, одни захотят одного, другие другого - правительство приказывает спросить всех, чтоб узнать, чего хочет большинство? Мы упомянули о детской беспомощности; слово всего лучше объяснит тут дело: все тяглые, неслужилые люди называют себя *сиротами* государевыми; это низшая рабочая часть народонаселения, мужики; но высшая, военные, мужи, как себя называют? Они называют себя *холопами* государевыми. Понятно, что ни в беспомощных сиротах, ни в холопах нельзя искать силы и самостоятельности, собственного мнения. И те и другие чувствуют несостоятельность старого, понимают, что оставаться так нельзя, но при отсутствии просвещения не могут ясно сознавать, как выйти на новую дорогу, не могут иметь инициативы, которая потому должна явиться сверху; повести дело должен великий государь.

Вести дело переворота или преобразования должны были преемники царя Алексея Михайловича. Каким образом пойдут они по пути, на который уже поворотил народ? Это будет зависеть от их природы и от их воспитания. Мы видели, что при сознании необходимости учиться явились разного рода учителя; чтоб новая наука не повредила древнему благочестию, призывались учителя из православного духовенства, греческого и западнорусского. Эти люди принесли в Москву школьную науку, требование учреждения школ; но западнорусские ученые могли устроить школы по образцу западнорусских школ, а эти были устроены по образцу школ польских. Вообще западнорусские ученые были воспитаны под сильным польским влиянием вследствие той тесной связи, в какой родина их находилась с Польшею; у западнорусских людей не было своего книжного языка: они писали или на так называемом церковнославянском языке, или по-латыни, или по-польски, литература польская доставляла им много материала. Эту привычку к польскому языку и литературе они принесли и в Москву; усилению влияния польского языка и литературы содействовала здесь тесная связь с Польшею и во время войны при беспрестанных переговорах о мире и во время мира при союзе и беспрестанных сношениях насчет более тесного союза и насчет выбора в короли царя или сына его. Русский язык запестрел полонизмами; стоит только прочесть письма и донесения русского резидента в Варшаве Тяпкина, чтоб убедиться в силе польского влияния на русский язык и как это влияние обнаружилось бессознательно, невольно со стороны русского человека: Тяпкин, как мы видели и увидим, был чистый русский человек,

умирал в Польше с тоски по родине, не мог ужиться с поляками, смотрел на них с самой черной стороны, а между тем стал писать полупольским языком, отдал сына в польскую школу, и тот говорил королю речь на модном тогдашнем языке, т. е. наполовину по-польски, а наполовину по-латыни. Западнорусские учителя принесли к нам польское влияние. Эти учителя принесли к нам грамматику, риторику, философию, богословие, при царе Алексее толковали о необходимости устроить школы для преподавания этих наук и при наследниках царя Алексея успели достигнуть своей цели.

Но эти учителя не могли выучить тому, нудящая необходимость чего была так очевидна. Прежде всего нужно было выйти из экономической несостоятельности, нужно было разбогатеть и усилиться; чтоб разбогатеть посредством торговли, промыслов, нужно было море, пробиться к морю нужно было с оружием в руках, нужно было свести старые счета, освободиться от татарской дани, которую платили в Крым под именем поминков, нужно было, следовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на них, строить крепости; чтоб поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы, нужно было выучиться всяким искусствам и ремеслам. Ни греческие, ни западнорусские монахи, ни ополяченные западнорусские мелкие шляхтичи, которых русские вельможи брали в домашние учителя к своим детям, всему этому выучить не могли; для этого нужны были немцы, для этого нужно было ехать не в Киев или Варшаву, а далее, на запад, в немецкие поморские государства. Таким образом, при нудящей потребности учиться, которой должны были удовлетворять преемники царя Алексея, были пред ними налицо двоякого рода учителя: западнорусские вместе с греческими и немцы; учителя должны иметь влияние на учеников; отсюда два влияния: польское и немецкое. Преемники царя Алексея разделились между этими учителями и этими влияниями вследствие различия природных свойств и воспитания.

Многочисленное семейство царя Алексея Михайловича представляет любопытное явление. От первого брака, на Милославской, он имел восемь дочерей и пять сыновей. Шесть оставшихся в живых дочерей отличались крепким, здоровым сложением, и одна из них, Софья, отличалась и силами духовными, была, по отзыву врага, "великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева". Напротив, сыновья были слабы, болезненны, трое умерло при жизни отца, из двоих оставшихся старший страдал сильною цингою, младший, Иоанн, к слабости физической присоединял и неразвитость умственную. Зато от второго брака, на Нарышкиной, родился богатырь физически и духовно, соответствующий по природе сестре Софье. От слабого и болезненного Феодора нельзя было ожидать сильного личного участия в тех преобразованиях, которые стояли первые на очереди, в которых более всего нуждалась Россия, он не мог создавать новое войско и водить его к победам, строить флот, крепости, рыть каналы и все торопить личным

содействием; Феодор был преобразователем, насколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни; этим условиям соответствовало и воспитание: Феодор был воспитанник западнорусского монаха Симеона Полоцкого, и в этом воспитании необходимо преобладал элемент церковный; польское влияние было тут; Феодор владел польским языком. Лазарь Баранович, посвящая в 1672 году книги свои "Жития св. отец" царевичу Феодору, а "Духовные струны" царевичу Иоанну, пишет царю: "Издах же (эти книги) языком польским, яко писах в то время, егда поляки от имени твоего царского к скипетру коруны польские молити помышляху да крепчайше союз мирного соединения укрепят. Издах языком ляцким: известен бо есмь, яко царевич Феодор Алексеевич не точию нашим природным, но и ляцким языком четет книги. Благоверному же государю царевичу Иоанну Алексеевичу книгу "Духовныя струны" приписах, издах же языком ляцким, вем бо, яко и вашего пресветлого величества сигклит сего языка не гнушается, почтут книги и истории ляцкие в сладость". Говорили, что Феодор знал и по-латыни, хотя не так хорошо, как покойный брат его царевич Алексей Алексеевич; благодаря Полоцкому Феодор выучился складывать вирши; говорили, что в Псалтыри, переложенной Полоцким на вирши, перевод псалмов 132 и 145 принадлежал Феодору. За царствованием Феодора последовало правление Софьи; Софья также воспиталась под влиянием Полоцкого с братиею; также читала жития святых, изданные Барановичем по-польски; Симеон Полоцкий, поднося ей книгу свою "Венец веры", писал виршами: "О благороднейшая царевна Софиа, ищещи премудрости выну небесные. По имени твоему жизнь твою ведещи: мудрая глаголещи, мудрая дееши. Ты церковные книги обыкла читати и в отеческих свитцех мудрости искати. Уведевши же, яко и книга новая писася, яже Венец веры реченная, возжелала ту оси сама созерцати и еще в черни бывшу прилежно читати и, познавши полезну в духовности быти, велела еси чисто ону устроить". Притом же Софья по своему полу не могла действовать иначе как из дворца. Таким образом, в царствование Феодора и в правление Софьи господствует направление, принесенное западнорусскими учителями; это господство выразилось в основании Славяно-греко-латинской академии; но тут же патриарх заподозревает направление, принесенное Полоцким в Москву, в неправославии и спешит опереться на греческих учителей; начинается сильная борьба, в которой патриарх берет верх благодаря падению Софии и приверженца ее Медведева, главного противника патриарху, ученика Симеона Полоцкого. Здесь конец польскому влиянию; католическая пропаганда остановлена, иезуиты выгнаны. У младшего сына царя Алексея была другая природа и другое воспитание, чем у старшего; невиданный богатырь, которому было грузно от сил, как от тяжелого бремени, Петр хотел все узнать, как, что и почему. И хотел сам все сделать; ему тесно было в старинном дворце кремлевском, негде расправить плеча богатырского, не от кого узнать что-нибудь; он бросился на улицу, с улицы попал в Немецкую слободу - и преобразование приняло другое направление; великий государь любил читать книги не меньше братьев

своих, учеников Полоцкого, но великий государь не был похож на ученика риторики - это был корабельный плотник, это был шкипер. Вследствие этого Славяно-греко-латинская академия отходит уже на второй план; являются другие школы, другого рода учителя, преимущественно немцы-протестанты; и блюститель патриаршего престола Стефан Яворский считает нужным бороться с протестантскими стремлениями, протестантскую пропаганду, как прежде патриархи Иоаким и Адриан считали нужным противодействовать католицизму.

Царь Алексей Михайлович умер неожиданно, не достигши старости, и оставил семейство свое в очень печальном для государства положении, предвещавшем большие смуты, и это в такое время, когда столько важных вопросов стояло на очереди, когда все колебалось при страшном повороте на новый путь, когда при всеобщем истощении от прежних войн предстояла еще опасная война с могущественными турками. Старший сын, торжественно объявленный при отце наследником престола, был четырнадцатилетний болезненный мальчик; самый близкий и доверенный человек при покойном государе был Матвеев, по праву пользовавшийся этою близостию и доверенностию, человек с обширною начитанностию по тогдашнему, большой охотник до образования и людей образованных, ловко владевший пером, опытный в делах правления, давно уже заведовавший внешними сношениями. Матвеев мог быть самым лучшим советником, подпорою молодого царя; но, к несчастью, между Феодором и любимцем отца его уже расступилась бездна: воспитанница этого Матвеева была мачеха Феодора, а известно, какое страшное значение имело тогда слово "мачеха". Никогда еще в семействе царей русских не было этого печального явления, этой вражды между детьми от разных матерей, и, как нарочно, это печальное явление произошло в такое опасное время, когда предстояло преобразование и должен был воспитываться преобразователь; первое чувство, которое он встретит в родной семье, будет вражда! И без подробных известий, которых мы не имеем, легко понять, какое влияние должен был иметь на дворец, на тамошние отношения второй брак царя Алексея при таком большом числе детей от первого брака. Помешать второму браку не удалось: понапрасну раскидали подметные письма в грановитых сенях и проходных с обвинениями Матвеева в чародействе. Матвеев оправдался, и государь женился на его воспитаннице. Царевнам, особенно тем, особенно той, которая так выдавалась вперед, царевне Софье Алексеевне, надобно было преклониться пред молодую царицею, войти в дочерние отношения к молодой женщине, матери только по имени, у которой все права матери без смягчающего эти права материнского чувства. И это, как нарочно, в то время, когда проникли во дворец новые обычаи и взгляды, когда двери в терема царевен растворились и заключенницы увидали свет божий, когда более сильным из них представилась возможность пройти дальше за порог, расправить силы, поглядеть, почитать и послушать прежде невиданное, нечитанное и неслыханное, набраться новых мыслей, познакомиться с новыми чувствами. Стремление силы бывает соразмерно прежней сдержанности:

отсюда легко понять стремление теремных затворниц приобрести как можно больше простора для своей деятельности, для расправления сил. И тут-то вдруг помеха! Дело не в том, что новая царица непременно враждовала к падчерицам, преследовала их, гнала назад в терем: для раздражения и вражды довольно было одной нравственной помехи, появления лица, которое невольно становилось на дороге, на дороге к влиянию на отца, к влиянию на всех окружающих, необходимо обращавшихся к новому солнцу. Но оставим царевен и между ними богатыря-царевну Софью Алексеевну. Алексей Михайлович жил долго с первою женою, привязался к ней, вследствие чего во дворце образовалось и утвердилось много крепких отношений. Укрепили свое влияние Милославские со своими родичами, людьми близкими и сблизившимися, Милославские, люди даровитые, деятельные, умевшие приобретать влияние и пользоваться им, люди с легкою нравственностью, с неразборчивостью средств. И вдруг вследствие нового брака царя все это теплое гнездо, свитое ими и друзьями их во дворце, должно разрушиться! Новая царица со своею родней, своими ближними людьми; Матвеев хозяйничает во дворце. Столкновение интересов страшное и ненависть страшная.

Смертию царя Алексея и восшествием на престол Феодора, сына Милославской, отношения переменились. Чего могла ждать хорошего теперь царица Наталья с детьми и Матвеев от этой накопившейся ненависти царевен, Милославских и друзей их? Здесь так естественно рождается вопрос: неужели Матвеев прежде не подумал об этом и не постарался обеспечить себя и своих насчет перемены царствования? Оставляя в стороне нравственные побуждения, которые если бы не были сильны у Матвеева, то были очень сильны у царя Алексея, можно объяснить дело расчетом: царь Алексей был еще во цветущих летах, и очень легко могло казаться, что слабые сыновья его должны последовать за своими единоутробными братьями, не переживут отца и Петр будет наследником. Но другое дело, когда царь умер скоропостижно; о движениях Матвеева в пользу Петра в эту страшную минуту сохранились известия у иностранцев; вот самое подробное из них, оставленное поляком, автором любопытного рассказа о стрелецком бунте. "Когда первая жена царя, Марья Ильинична Милославская, умерла и оставила двоих сыновей и шесть дочерей, то они много терпели от Артемона, а потом подверглись еще большему преследованию, когда ему удалось выдать за царя родственницу свою, дочь Кирилла Нарышкина, капитана из Смоленска. Умирая, Алексей благословил на царство сына от Милославской, Феодора, который в то время лежал больной, и опекуном назначил князя Юрия Долгорукого. Артемон утаил смерть царя, подкупил стрельцов, чтоб они стояли за маленького Петра, и потом уже ночью повестил боярам о преставлении государя. Когда они начали собираться, он посадил маленького Петра на престоле и уговаривал бояр, чтоб они признали его беспрекословно государем, потому что Феодор опух, лежит больной и плоха надежда, что будет жить. Но бояре, узнавши от патриарха, который

был при смерти царской, что отец благословил Феодора на царство и Юрия Долгорукого назначил опекуном, ждали последнего. Приезжает наконец Долгорукий во дворец, как вол, ревет с жалости по царе и прямо к патриарху: "Кого отец благословил на царство?" "Феодора", - отвечает патриарх. Тогда Долгорукий с боярами, не слушая увещаний Артемона, что надобно избрать Петра, стремятся к покоям Феодора, подходят - двери заперты! Долгорукий приказывает выломать двери, бояре берут на руки Феодора, потому что сам идти не может: ноги распухли, несут, сажают на престол и сейчас же начинают подходить к руке, поздравляя на царстве. Мать царя Петра и Артемон скрылись, видя, что ничего не могут сделать против Долгорукого и всех бояр".

Мы никак не можем успокоиться на этом известии, потому что после, когда нужно было погубить Матвеева, когда дали силу всякого рода обвинениям без разбора, лишь бы только к чему-нибудь привязаться, - в это время не послышалось ни слова обличения ни от кого из вельмож, которых Матвеев уговаривал мимо больного Феодора присягнуть маленькому Петру.

Как бы то ни было, Феодор вступил на престол спокойно, не произошло никаких перемен, Матвеев остался в прежнем важном сане великих государственных посольских дел оберэгателя. Но враги его уже владели дворцом и не могли оставить его в покое. За больным Феодором ухаживали тетки и шесть сестер единоутробных; мачеха была удалена; против нее особенно кричала верховая боярыня Анна Петровна Хитрово, пользовавшаяся большим значением, *постница*; крича против царицы-вдовы, Хитрово должна была кричать и против Матвеева, разделять их было нельзя. С *постницею* заодно действовали и мужчины, не постники, но сильные люди: боярин Иван Михайлович Милославский, злобившийся на Матвеева особенно за то, что его внушению приписывал удаление свое на Астраханское воеводство при царе Алексее; с Милославским заодно действовал другой могущественный боярин - дворецкий Богдан Матвеевич Хитрово; Хитрово был сам незнатного происхождения, из городских алексинских дворян, и был выведен в люди Морозовым; но он был не охотник до других новых людей, которые были виднее его по талантам, он был не охотник до Ордина-Нащокина, был не охотник и до Матвеева, особенно когда узнал наверное или подозревал, что Матвеев указывал царю Алексею на злоупотребления его, Богдана, и племянника его, Александра Савостьяновича Хитрово, по управлению Приказом большого дворца, "которые (Хитрово) из государственных дворцовых сел и волостей новосеверенно вотчины свои всякими избытками и заводы строили и наполняли, такожде и из всех, Сытного, Кормового и Хлебного, дворцов премножественным похищением всяких дворцовых обиходов явственно и бесстыдно по вся дни корыстовались, великими посулами с дворцовых подрядчиков богатели себя". Главным орудием Милославского и Хитрово был окольный Василий Семенович Волынский, давний завистник Матвеева, человек посредственных способностей и малограмотный по-

тогдашнему, но крикун, умевший подбиваться к сильным людям: говорят, будто он особенно сделался известен тем, что у жены его были отличные мастерицы-швей, и вся знать обращалась к ней с заказами.

Падение Матвеева было решено: представили, что нельзя такого подозрительного человека оставить правителем аптеки, когда государь болен, и аптеку отняли у Матвеева; потом датский резидент Монс Гей, уезжая из Москвы, прислал жалобу, что Матвеев не доплатил ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное им ко двору, и что на его требование прислали ему из Посольского приказа фальшивый контракт на эту поставку. 500 рублей велели заплатить Гею и воспользовались этим случаем, чтоб отнять у Матвеева заведование посольскими делами и удалить его из Москвы. Когда Матвеев приехал по обычаю во дворец, боярин Родион Матвеевич Стрешнев вынес указ из комнаты в переднюю и объявил ему: "Указал великий государь быть тебе на службе в Верхотурье воеводою". Посольский приказ был поручен думному дьяку Лариону Иванову. Матвеев с сыном и племянниками отправился в почетную ссылку; при них был монах, священник, учитель сына польский шляхтич Поборский, большая дворня; взяты были две пушки для безопасности. Но в Лаишеве Матвеева остановили: приехал полуголова московских стрельцов Лужин и потребовал книги лечбника, в котором многие статьи писаны цифирью, потребовал двоих людей: Ивана-еврея и карлу Захара; Матвеев отвечал, что книги нет, а людей выдал. С месяц после этого прожил Матвеев в Лаишеве, как однажды разбудили его ночью: приехали из Москвы думный дворянин Соковнин и думный дьяк Семенов: "Давай жену Ивана еврея, давай письма, давай имение на осмотр, давай племянников, давай монаха, давай священника, давай всех людей!" Матвеев сейчас все и всех выдал; Соковнин и Семенов поехали на съезжий двор и послали оттуда за Матвеевым, чтоб пришел сейчас же; боярин пошел пешком; здесь расспрашивали его племянников и людей о знаменитом лечбнике, взяли сказки за руками, взяли с Матвеева сказку о том, как составлялись и подносились лекарства больному царю. Матвеев показал, что лекарства составлялись докторами Костериусом и Стефаном Симоном по рецепту, а рецепты хранятся в аптекарской палате; всякое лекарство отвеदывал прежде доктор, потом он, Матвеев, а после него дядьки государевы, бояре, князь Федор Федорович Куракин и Иван Богданович Хитрово, после же приема что оставалось лекарства допивал опять он же, Матвеев, в глазах государя. За Соковниным и Семеновым явился в Лаишев дворянин с указом перевести Матвеева в Казань. Здесь воевода Иван Богданович Милославский приставил к нему караул, и скоро пришел царский указ - отпустить людей по деревням, других на волю; потом ночью приехал дьяк Горохов: "Где имение, давай сейчас!" Матвеев отвечал: "В животах моих ни краденого, ни разбойного, ни воровского, ни изменного, ни заповедного нет, животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ее и мои нажитые милостию божиею и великих государей жалованьем, за посольские службы и за мои работы ратные, за крови и за всякие великие работы в 69 лет нажитые, а когда час пришел невинному нашему

разоренью, что великий государь изволил животы все взять без вины моей, в том воля божия и его, государская!" Приехал стольник Тухачевский, назначенный приставом к Матвееву, и потребовал от него пушек, пороху, свинцу, панцирей, шапок, наручей. "К унятию всякого воровства был я починщик, а не к начинанию", - отвечал Матвеев. Затем явился присланный от воеводы стрелецкий голова, взял Матвеева, сына его, людей с женами и детьми и повел в съезжую избу пешком, на позор людям. Тут в съезжей избе объявили ему вины: он написал в сказке своей в Лаишеве, что после приема лекарства государем остаток выпивал он, Матвеев; но дядьки государевы, князь Куракин и Хитрово, объявили, что никогда он не выпивал остатков. Лекарь Давыд Берлов донес, что лечил он у Матвеева человека его, карлу Захара, и тот говорил ему, что болен от господских побой: однажды он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с доктором Стефаном читали черную книгу; во время этого чтения пришло к ним множество злых духов и объявили, что есть у них в избе третий человек; Матвеев вскочил и, найдя его за печью, сорвал с него шубу, поднял, ударил о землю, топтал и выкинул из палаты замертво. Берлов прибавил, что он сам видел, как Матвеев с доктором Стефаном и переводчиком греком Спафари, запершись, читали черную книгу; Спафари учил по этой книге Матвеева и сына его Андрея. Матвеев хотел было говорить, но дьяк Горохов крикнул: "Слушай! Молчи, а не говори". У Матвеева отняли боярство, все имение, дали только тысячу рублей и сослали на житье в Пустозерск вместе с сыном.

В страшном горе, среди лишений всякого рода Матвеев отправил три челобитные к царю с оправданием, к патриарху и ближним боярам с просьбами о ходатайстве. Старик, опытный в делах правления, но неопытный в бедствиях жизни, не мог отказать себе в утешении жаловаться и надеяться, что жалоба будет иметь действие, не рассудил, что самая бессмысленность обвинений и незаконность заочного осуждения отнимали всякую надежду к оправданию и облегчению участи, пока несовершеннолетний царь окружен Милославскими и Хитрово с товарищами. "Я, холоп твой, - писал Матвеев государю, - хочу быть прав размовкою лекаря Давыдка и человека моего, карла Захарка. Перед твоими боярами Захарка расспрашиван и пытан, и сказал, что в то время, как я с доктором Стефаном и Спафарием читал книгу, он, Захарка, за печью уснул и захрапел и будто я, услышав его храпение, схватил его за волосы и толкнул через порог; но он ничего не сказал с пытки о приходе злых духов; ясно, что вор Давыдка это выдумал. А хотя бы Захарка и сказал, что видел злых духов, то верить нечему, надлежало бы допросить его, как он нечистых духов мог видеть, каковы их образы и почему он знает образ духов нечистых? А вор Давыдка почему не сказал, что мы читали в черной книге, какие дела и какие слова слышал он в чтении? И чему меня и сынишку моего Спафарий учил? У карлы Захарки два ребра переломлены, но переломил их ему Иван Соловцов, с которым он играл, а не от моих побоев он был болен. Злые духи сказали, что "есть у вас в комнате третий человек", т. е. Захарка, но сам Захарка показал, что трое нас

читали черную книгу: я, доктор Стефан и Спафарий, и я не знаю, кто очелся! Духи ль, проклятые и низверженные, или воры, Давыдка и карла, четырех человек считают за три? Захарка сказал, что спал за печью; а у меня в той палатишке за печью спать нельзя: две стены у печи свободны, третья печью приделана к самой палатишке и промежка нет, а четвертая стена, у той - печное устье. Захарка же сказал, что он спал и храпел: как спящему человеку возможно слышать, кто что говорит? Или человеку храпление свое слышать? Спафарий меня не учил не только что богопротивному чему-нибудь, но и ничему: не до ученья было в ваших государских делах, а сынишка моего учил по-гречески и по-латыни литерам малой части. А книги я читал и строил в домишке своем ради душевные пользы и которые богу не противны. А служа вам, великим государям, сделал книги с товарищами своими, и с приказными людьми, и с переводчиками, в Посольском приказе, какие не бывали, и ныне на свидетельство моей и их работы в Посольском приказе. Доносят на меня, будто я многие взятки брал и тесноту твоим людям чинил, покупал отчины теснотою; но из городов и уездов, которые я ведал в приказах, никто тебе на меня челом не бивал и вперед бить не будет; когда я ехал в ссылку некоторыми из этих городов, то, кроме приятства и подаяния пищи, как подают убогим и разоренным, не слыхал на себя никакого нареканья. Служил я деду твоему и отцу в полковых службах. Когда ратные люди пошли из-под Львова и пришла самая нужда: отец сына, брат брата мечут, и пришел холод и голод, солдаты, стрельцы и дворяне пушки и всякие ратные припасы покинули на степи и разбежались, боярин Бутурлин пошел скорым походом, а меня оставил с пометанными пушками и запасами на степи; и я, с остальными людьми впрягаясь сам под пушки, все 59 пушек и с запасами допроводил до Белой Церкви и до Москвы. Как под Конотопом упадок учинился вашим государским людям и отступили воеводы к Путивлю, окоп, обоз, образец и путь строил я, холоп твой, и отошли в Путивль в целости, а когда князь Алексей Никитич Трубецкой хотел идти в черкасские города и ратные люди, не хотя идти, учинили бунт и привели его боярина за епанчу, то я с стрельцами его отнял. Прежде взятия Астрахани писал я к отцу твоему в троицкий поход, чтоб вора Стеньку Разина из Астрахани не отпускать для многих его воровских причин, как он первое ходил на море. Я с цесарскими посланниками договор учинил, чтобы вас, великих государей, вперед писать величеством, а не пресветлейшеством, я с польскими и шведскими послами договорился, чтобы они перед вами не сидели в шапках и шляпах. Я, будучи в приказе, учинил прибыли великие, вновь учинил аптеку, кружечный двор и из тех сборов сделал дворы каменные, посольский, греческий, лавки. До моего сидения в Малороссийском приказе посылавали ратным людям в Киев и иные города хлебные запасы из Брянска в судах: а те суда дельвали тут же, в Брянске, и четверть ценою ставливалась в Киеве по 7 рублей и больше. А как я начал посылать на деньги хлеб, и четверть дороже рубля в купле не бывала. За теми расходами после преставления отца твоего объявил я тебе 182000 золотых и ефимков и денег мелких. Денежный двор 15 лет стоял

пуст, туда серебра в заводе на денежное дело не бывало; я же завел делать на том дворе деньги, и от того дела непрерывная прибыль была в казну. И за все мои службишки пожалован я был вашею государскою милостию, боярством, отчинами, поместьями; я наживал вашею государскою милостию на службах полковых, и в посылках, и в посольских подарках, и у ваших государских дел будучи, и то все без вины отнято. Есть, великий государь, которые в чужих домах живали, и чужие платья нашивали, и чужой хлеб едали, и те при деде твоём и отце столько же или и больше моего, у таких дел будучи, наживали. Один я возненавиден и оглашен многими деньгами, и золотыми, и животы; а ныне о всех моих деньгах и о всей моей рухлядишке тебе известно: не таковы объявились, как об них донесено. Дано мне из нажитков отца и моего пожитченка тысяча рублей денег, и то твое жалованье не вем, на что издавать, на пищу ль себе или червю своему бедному сиротине в наследие? Кому поверено? Пьяному вору, датскому немчину, который, будучи на Москве, только славы учинил, как его возили пьяного, через лошадь и через седло перекиня или в карете положила вверх ногами, и ребята вопили вслед: "Пьяница! Пьяница! Шиш на Кокуй!" Петру Марселису пьяный разрезал рюмкою горло, чаять оттого и скончался. Чего ради я с ним не ставлен и не допрошен? За что он, вор, не возвращен с пути? Стеньку Разина все бояре на земском дворе спрашивали и очные ставки давали: а меня, боярина, без суда осудили! Не ложно холопы твои у тебя, великого государя, чрез кровавые свои слезы милости просим: с голоду страждем и не можем части мяса купить; да не токмо мяса или калач, ей-ей и хлеба на две деньги купить не добудем; прожиточные люди здесь един борщ едят да прибавляют по горсти муки ржаной, а убогие один борщ, да и тот не родится в Пустозерске, привозят с Ижмы; бредут врознь глада ради и остальные в тот же путь смотрят".

Три письма отправил Матвеев к патриарху, писал к духовнику царскому, протопопу Никите Васильевичу, к князю Юрию Алексеевичу Долгорукому, к князю Михайле Юрьевичу Долгорукому к князю Никите Ивановичу Одоевскому и к князю Якову Никитичу Одоевскому, к боярину Родиону Матвеевичу Стрешневу, все с просьбами о заступничестве. Он решился даже обратиться с этими просьбами и к врагам своим, виновникам своего несчастья, к Ивану Михайловичу Милославскому и Богдану Матвеевичу Хитрово, клялся перед Милославским, что не он был причиною отправления его на воеводство Астраханское; в письме к Хитрово решился написать следующее: "Еще сугубой милости у тебя прошу: попроси милости и милосердия у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтоб она, видя мою невинность и слезы кровавые и непрерывные с червем моим и разорение мое Бесконечное, для воздаяния на небесах будущих благ в некончаемом царствии, предстательствовали о мне, убогом, у великого государя с тобою". Не зная, что делается при дворе, Матвеев писал даже и к боярину Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу царицы Натальи, просил, чтоб царица и царевич Петр ходатайствовали за него у царя; Матвеев не знал, что царица не могла защитить и родного брата своего, Ивана Кирилловича

Нарышкина, на которого тот же лекарь Давыд Берлов подал донос. Вследствие этого доноса Нарышкина привели в Кремль перед Грановитую палату, стрельцы со своим сотником окружили его, вышел боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий с думным дьяком, который читал сказку: "Говорил ты, Иван, держальнику своему Ивашку Орлу на Воробьеве и в иных местах про царское величество при лекаре Давыдке: ты-де орел старый, а молодой-де орел на заводи ходит, и ты его убей из пищали, а как ты убьешь, и ты увидишь к себе от государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взыскан и от бога тем, чего у тебя и на уме нет; и держальник твой Ивашка Орел тебе говорил: убил бы, да нельзя, лес тонок, а забор высок. Давыдка в тех словах питан и огнем и клещами жжен многожды; и перед государем, и перед патриархом, и перед бояры, и отцу своему духовному в исповеди сказывал прежние ж речи: как ты Ивашку Орлу говорил, чтобы благочестивого царя убил. И великий государь указал и бояре приговорили: за такие свои страшные вины и воровство тебя бить кнутом и огнем, и клещами жечь, и смертью казнить; и великий государь тебя жалует, вместо смерти велел тебе дать живот; и указал тебя в ссылку сослать на Рязань в Рязский город, и быть тебе за приставом до смерти живота твоего". Брат Иванов, Афанасий Нарышкин, также был сослан.

В то время как Милославский и Хитрово управлялись с Матвеевым и Нарышкиными, патриарх Иоаким управлялся с двумя духовными лицами, которые в царе Алексее Михайловиче лишились своего защитника. Мы видели уже покушение Иоакима на духовника царского, Андрея Савинова, которого он обвинял в безнравственном поведении и в неуважении к нему, патриарху. Царь Алексей упросил патриарха простить духовника. Но в самый день похорон царских вражда между ними разгорелась в высшей степени: патриарх на отпевании вложил в руки покойника прощальную грамоту; духовник считал это своим правом и вышел из себя: после похорон пришел наверх, в комнату, где собрано было все царское семейство, и начал кричать: "Покойный государь прощение не получил, патриарх не дал мне вручить ему прощальную грамоту; дайте мне 2000 человек войска, я пойду на патриарха и убью его; или оружием, или какою отравою убейте мне супостата моего патриарха, если же не предадите смерти патриарха, то я вас прокляну, а с патриархом управлюсь сам, я уже нанял 500 ратных людей, чтоб убить его". Царь, царица и царевны "не соизволиша" на это, говорит наивно официальный акт. Они выдали патриарху расхоронившегося протопопа; Иоаким созвал собор, 14 марта 1676 года произнесено было осуждение. Кроме выходки во дворце показаны были еще следующие вины: 1) когда по изволению царскому сей злый иерей взят был на управление духовное царского дома, то он, самочинием своим и неправильно, не востребовав архиерейского благословения, восхитил самочинно духовную власть и называл себя протопопом без ставленной грамоты. 2) Вместо заступления за несчастных многим мучения и казни исходатайствовал, обличаемый в своих винах письмами от некоторых людей вправду, что с замужнею женщиною

прелюбодействовал. Лучше было ему в том грехе каяться, а не обличителям пакости творить и мстить, многие из-за него были замучены и посланы в *оземствование*. 3) Пьянствовал с зазорными лицами, блудническими песнями услаждаясь, с приложением различных игр и бряцаний. 4) Без благословения нашего церковь сам собою воздвиг; будучи под нашим патриаршеским запрещением и ни во что его вменяя, обедню служил. 5) Вражду положил между царем и нами, патриархом, не хотя себя видеть от нас правильно обличаема, привел царя на то, что не хотел ходить в соборную церковь и к нашему благословию. 6) Восхитил от живого мужа жену и нуждою ее в супружество другому мужу отдал и в отчине своей священнику неволею приказал их венчать, потом у второго мужа отнял ее, прелюбодействовал с нею, а первого мужа безвинно в дальнейшее *оземствование* послал, в темнице в оковах держать велел. Савинов был лишен священства и сослан в Кожеезерский монастырь.

Через два месяца по осуждении духовника Андрея собор осудил *на исправление* старого заточника, Никона, который, как видно, был в приятных отношениях к осужденному духовнику. С известием о кончине царя Алексея приехал в Ферапонтов монастырь Федор Лопухин. Никон выслушал неожиданное известие в сильном волнении, слезы выступили у него на глазах, но жесткие слова показали, какое чувство сейчас же взяло верх. "Он будет судиться со мною в страшное пришествие Христово", - сказал Никон, и когда Лопухин начал упрашивать его дать покойному письменное прощение, то Никон отвечал: "Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: бог да простит покойного, но письменного прощения не дам, потому что он при жизни своей не освободил нас от заточения". Никон не воображал, что если царь Алексей при жизни своей не вывел его из Ферапонтова, то смерть царя приготовила ему еще большую беду, на которую, впрочем, он сам напрашивался. 13 апреля пристав Никона, кн. Шайсупов, дал знать, что Никон требует отправления в Москву Игнатия Башковского и дворовой его женки Киликейки, зная за Башковским великого государя великое и страшное дело; в челобитной, присланной Никоном по этому случаю, он подписался *патриархом*. Этого уже было достаточно, чтоб возбудить гнев настоящего патриарха; кроме того, Никон сам послал на себя в Москву доносчика в то время, когда доносы на него начали принимать охотно. Башковский рассказал, что Никон лечил крестьянина Кириллова монастыря и больной умер от его лекарства, что Никон из своей кельи стреляет из пищали и застрелил птицу баклана, что к Никону приезжает много родственников его из Курмышя. В это же время переименован был пристав, князь Шайсупов; он также, приехав в Москву, порассказал много разных вещей про Никона, рассказывал, что Никон ни в чем его не слушал и никому слушать не велел; приказал себя называть и в письмах писать св. патриархом; на озере и по дороге на крестах сделал надписи: "Смиранный Никон, божиею милостию патриарх поставил, будучи в заточении за слово божие и за св. церковь". Баклана подстрелил и велел у него крылья, голову и ноги отсечь за то, что он поедал у него рыбу. На кого Никон осердится,

тех людей стрельцы и монастырские служки били палками и плетьюми; хвастал Шайсупову, что наперед предсказал Родиону Стрешнев разорение от Стеньки Разина; присланному из Москвы Лопухину говорил, что у него в Турции живут свойственники, четыре чело века стряпчих, и деньги к ним посланы, что цареградский патриарх проклял патриархов, которые его, Никона, осудили, и называл патриархов ворами. По преставлении царя Алексея во весь Великий пост пил допьяна и, напившись, всяких людей мучил безвинно по его же приказу старца Пафнутия били на правеже целую неделю в Великий пост; своими руками бил служку Обросимова, который от этих побоев умер; старца Лаврентия били палками, а после Никон его запоил вином, отчего тот и умер. Игумен с братиею и служки приходят к Никону в праздники, и он, сидя в креслах, дает им целовать руку; сделал у себя приказ и губу. Приезжала к нему девица 20 лет с братом, малым ребенком, для лечения и Никон ее запоил допьяна, отчего она умерла.

Новый пристав Ададуров, как приехал в монастырь, так на писал в Москву, что Никон живет вовсе не заточником: построено у него 25 келий, из них поделаны сходы и всходы и окна большие в монастырь и за монастырь, и живут в этих кельях всяких чинов люди человек с десять.

Явился новый доносчик, самый близкий человек, Никонов келейник старец Иона. Он объявил, что Никон в церковь ходит мало, за государя и патриарха бога не молит и священникам, которые живут у него, молить запрещает; когда бывает в церкви никого не пускает, причащается в алтаре у престола с служащим попом вместе; отца духовного не имеет четвертый год, на ектениях поминает себя патриархом московским; государево жалованье присланное к нему, ни во что ставит, ногами топчет и всякими неистовыми словами великого государя злословит, и т. д.

На основании этих доносов Иоаким с собором приговорили *исправить* Никона, и великий государь отправил в Ферапонтов монастырь думного дворянина Желябужского да архимандрита Павла с приказом - перевести Никона в Кириллов монастырь; жить у него в келье двоим искусным добрым старцам, подобающую ему честь воздавать, а других иноков и мирян не пускать, чернил и бумаги не давать, никакого приношения к нему не принимать. 16 мая 1676 года посланные получили наказ, в июне приехали в Ферапонтов монастырь и после обедни прочли Никону указ и вины. Никон слушал указ со смирением, без всякого прекословия; обвинения - одни отверг, другие объяснил, например: "Ивашка Кривоzubа, который на меня извещал, за его воровство, по сыску, бил я с игуменом и священником вместе; неволею я никому но приказывал целовать себя в руку, а которые люди ко мне приходили, и я им руку целовать давал. Губы я у себя не заводил, а сыскивали мы с игуменом вместе про Ивашку Кривоzubа. Кельи строены по указу царя Алексея Михайловича, за великого государя и за вселенских патриархов всечасно бога молю, а за Иоакима патриарха не молю, потому

что писал вологодский архиепископ в Кириллов монастырь и велел бога молить за себя, а не за патриарха да потому что от него, Иоакима, всякое зло учинилось и ныне меня губит, а попам я за патриарха Иоакима бога молить не заказываю. С служащим священником Варлаамом причащался я у престола в алтаре, а у отца духовного не бывал года с три, потому что отец мой духовный, кирилловский архимандрит, ко мне не ездит; на ектеньях священники и дьяконы как хотят, так меня и поминают, а я им не заказывал; московским патриархом я себя называть не веливал и никого к этому не принуждал, которые присыльщики приезжали от царя Алексея, и они называли меня великим святым отцом. При князе Шайсупове за лекарством ко мне хаживали, и князь ко мне ходить всяким людям не запрещал, а только бы от него заказ был, и я бы к себе никого ни пускал; а как Ададуров приехал и не велел ко мне никого пускать, и я никому к себе ходить не велел".

Желябужский и Павел говорили Никону в соборной церкви всякими мерами, чтоб за св. патриарха бога молил и никаких непристойных слов не испускал; но Никон, идя из церкви, говорил: "Стану бога молить за великого государя и за вселенских патриархов, а за московского бога молить и патриархом его называть не стану". В этот же день его перевезли в Кириллов монастырь. Это перемещение во враждебный монастырь, где он уже не мог так хозяйничать, как хозяйничал последнее время в Ферапонтове, заставило Никона переменить тон, его испугало также известие, что двоих самых близких и верных ему людей, священника Варлаама и дьякона Мардария, возьмут от него и сошлют в Крестный монастырь. Когда архимандрит Павел пришел к нему перед отъездом и стал опять уговаривать молиться за патриарха, то Никон отвечал: "Чтоб св. патриарх был ко мне милостив и не велел меня здесь напрасною смертию от тесноты поморить, а я за него бога молить и патриархом называть стану; когда я при царе Алексее у допросу об отходе своем в Воскресенский монастырь был, в то время государю говорил, что за смирение в патриархах быть можно ему, Иоакиму". Со слезами просил Никон Павла бить челом государю и патриарху, чтоб не велели отсылать в Крестный монастырь Варлаама и Мардария, а приказали им по-прежнему жить у него, потому что они к нему приобитались, а он к ним. Эти Варлаам и Мардарий в допросе объявили, что у Никона ничего дурного не было, но Мардарий проговорился. "Я возил, - сказал он, - отписки и челобитные к великому государю от Никона в Москву и подавал духовнику и дьяку тайных дел Полянскому, а они эти отписки передавали великому государю, к духовнику возил я от Никона всякие посудцы деревянные, братины, стаканы, ложки и рыбу отвозил, а Полянскому возил одну рыбу". Понятно, что известие о посредничестве ненавистного Савинова между Никоном и царем не могло очень склонить Иоакима на милость к Никону.

Савинов был сослан в Кожеезерский монастырь, Никон переведен в Кириллов; но царский учитель Симеон Полоцкий был сильнее прежнего и печатал свои проповеди без благословения св. патриарха; кроме близких

отношений к царю, Иоакиму нельзя было дотронуться до Полоцкого и потому, что он не подавал повода к таким обвинениям, на основании которых можно было осудить Савинова.

Из адресов на письмах Матвеева мы видим, кто были самые влиятельные, самые близкие к царю люди. К ним скоро присоединился другой Милославский, боярин Иван Богданович, которого мы видели воеводою в Казани во время ссылки Матвеева. Иван Богданович был самый энергичный из Милославских, ибо Ивана Михайловича ставало только на интригу, на подземный подкоп против кого-нибудь. По возвращении из Казани Иван Богданович, как говорят, схватился за все дела, но сейчас же пошли на него со всех сторон жалобы, и это отдалило от него молодого царя, у которого уже было двое любимцев: первый - постельничий Иван Максимович Языков, другой - комнатный стольник Алексей Тимофеевич Лихачев, бывший учителем царевича Алексея Алексеевича. Приближение Языкова объясняется легко из самой должности его: та же должность дала значение Адашеву при Иоанне IV, Ртищеву при царе Алексее Михайловиче. Но есть известие, что двое старых бояр, князь Долгорукий и Хитрово, не имея личной возможности соперничать с Милославским и быть постоянно с царем, выдвинули нарочно Языкова и Лихачева перевешивать влияние Милославского. Об Языкове сохранились отзывы как о чрезвычайно ловком придворном, его называют "человеком великой остроты, глубоким московских, прежде *площадных*, потом же дворских, обхождений проникателем". Лихачева называют "человеком доброй совести, исполненным великого разума и самого благочестивого состояния". Такой же отзыв встречаем и о брате его Михайле Тимофеевиче. Понятно, что для всех этих лиц самым важным вопросом был вопрос о браке царя: молодая царица может уничтожить или ослабить влияние царевен - теток и сестер, а следовательно, и Милославских, может привести во дворец своих родственников! Рассказывают, что, идя однажды в крестном ходу, Федор увидал девушку, которая ему очень понравилась; он поручил Языкову справиться о ней, и тот донес, что это Агафья Семеновна Грушецкая, живет у родной тетки, жены думного дьяка Заборовского, и дьяку дано знать, чтоб не выдавал племянницы впредь до указа. Милославский, узнав о намерении царя жениться на Грушецкой, подумал, что это происки Языкова и Лихачева, и стал чернить Грушецкую и мать ее; но Языков и Лихачев обнаружили клевету. Царь женился на Грушецкой в июле 1680 года, а Милославскому запретил являться ко двору, и хотя молодая царица по великодушью своему выпросила ему прощение, однако он потерял с этих пор всякое влияние. Языков с 1678 года называется постельничим *думным*, в 1680 государь пожаловал его из постельничих думных в окольничие и указал быть ему в оружейничих; в тот же день на место Языкова в постельничие пожалован был Лихачев. В конце царствования Языков был пожалован в бояре. Таким образом, самыми близкими к царю, самыми влиятельными на дела правления явились люди новые, молодые, Языков и Лихачев. Но подле них, если не в такой близости, однако с сильным влиянием на дела, видим человека

одного из самых стародавних родов, еще молодого по летам, боярина князя Василья Васильевича Голицына, не одним именем и отчеством напоминавшего знаменитого предка своего, слывшего *столпом* в Смутное время. Бесспорно, что Голицын был представительнее и способнее всех бояр описываемого времени; к этому присоединял он еще далеко не общее всем тогда образование, дававшее ему известную широту взгляда, умение покончить с вредною стариною, хотя бы эта старина была для него выгоднее, чем для других. Итак, говоря о правительственной деятельности Феодора Алексеевича, царя очень молодого и болезненного, мы обязаны постоянно иметь в виду людей, его окружавших, сначала Милославских, потом, особенно с 1680 года, Языкова, Лихачева и Голицына, хотя, разумеется, по недостатку подробных известий мы не можем определить долю каждого из них в правительственной деятельности.

Феодор наследовал от отца три трудные задачи внешней политики: окончание дела с Дорошенком, отклонение притязаний Польши на буквальное исполнение андрусовских статей и войну турецкую.

Еще при жизни царя Алексея, в январе 1676 года, Дорошенко дал знать князю Ромодановскому, что он уже присягнул великому государю перед запорожским кошевым и донскими козаками и в другой раз не только перед боярином и гетманом, и перед самим царским величеством присягать не станет. В Москву ехать ему теперь никак нельзя, потому что ежечасно ожидает прихода под Чигирин неприятелей, турок и татар, озлобленных на него за присягу великому государю. Булавы он не пошлет, потому что булаву дали ему войском, войском пусть и возьмут; где булава, тут и голова, из давних лет Чигирин при булаве, и без гетмана в Чигирине по сие время не бывало. В государевой грамоте написано, что жить ему с родственниками где захочет: но он хочет жить там, где родился и вырос, т. е. в Чигирине. Потом Дорошенко понизил тон и стал требовать, чтоб государь прислал к нему какую-нибудь знатную особу, при которой он и присягнет вторично. В Чигирине рассказывали, что когда митрополит Иосиф Тукальский лежал при смерти, то Дорошенко навещал его беспрестанно, и умирающий заклинал его именем Божиим, чтоб отстал от турецкого султана и бил челом в подданство великому государю, если же этого не сделает, то пропадет. Дорошенко за это осердился на Иосифа и не ходил к нему до самой смерти.

Новый государь в марте месяце отправил в Чигирин стольника Деремонтова с грамотою к Дорошенку. Но стольник скоро возвратился и объявил, что гетман Самойлович не пустил его из Батурина в Чигирин. Для объяснения своего поступка Самойлович писал государю, что Дорошенко вовсе не думает исполнять требований, заявленных покойным царем, лукавит по-прежнему; притом посылка Деремонтова показывает, что государь переменял прежнее решение, потому что указом царя Алексея все переговоры с Дорошенком поручены боярину князю Гр. Гр. Ромодановскому и ему, гетману. Наконец, Самойлович писал, чтоб

великий государь пожаловал, послал к Дорошенку обнадеживальную грамоту без *вича* (не: Петру Дорофеевичу, как обыкновенно писалось) и без упоминования при нем старшины, а к чигиринскому посольству послал бы особую жалованную и обнадеживальную грамоту с приказом не называть Дорошенка гетманом, ни в чем ему не верить, а быть в послушании у него, гетмана Ивана Самойловича. Государь отвечал, что он не переменяет прежних указов отца своего и отпуск Деремонтова положен на рассмотрение князя Ромодановского и его, гетмана, как их господь бог вразумит. Ромодановский решил, что не для чего удерживать тестя Дорошенко, Яненка Хмельницкого, и отпустил его в Чигирин с адъютантом рейтарского строя, Горяиновым. Во время обеда при Горяинове Дорошенко, налив вина, говорил: "Пью на том, что мне не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня Ивану Самойловичу булавы не взять!" "Не отдадим булавы никогда, - говорили начальные люди, - а если попович (Самойлович) станет ее у нас насильно отнимать, то мы будем за нее биться". "Бог судья гетману Ивану Самойловичу, - продолжал Дорошенко, - город Чигирин всему Малороссийскому краю от бусурман не малая защита; надобно бы ему в Чигирин клейнот прибавить, а он и последний отнимает и хлеба к нам привозить на продажу заказал, а пишет ко мне так, как я и к хлопцу своему не пишу". За столом сидели запорожцы, шесть человек, присланные за тем, чтоб Дорошенко с клейнотами и булавою ехал к ним на кош. Подпивши, Дорошенко обратился к ним: "Не выдайте вы меня, как донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы выдают, а вы не выдавайте". "Не выдадим!" - отвечали запорожцы.

Между тем Самойлович действовал, чтоб ускорить развязку тяжелого для него дела: он двинул к Днепру войско с семью полковниками; из них черниговский, Василий Бурковский, переправился за Днепр с выборными от всех полков людьми и 18 марта приблизился к Чигирину. Дорошенко вышел из города, окруженный своею пехотою, и послал спросить: зачем пришли и по чьему указу? "Государь требует и все войско тебя увещевает: принеси присягу и сложи начальство", - отвечал Бурковский. Выслушав ответ, Дорошенко поворотил в город, а полковнику послал сказать, что никакого дела не может начать без согласия всего Войска Запорожского низового. Потом Дорошенко прислал Бурковскому грамоту для передачи Самойловичу; грамота была подписана: гетману Войска Запорожского, но не обеих сторон Днепра. "Не только теперь, - писал Дорошенко, - после присяги царскому величеству, хочу я быть единомышленным и единокровным (от одной матери-Украины) братом и приятелем вашей милости, но и прежде, когда за грехи мы были разрознены, я всегда оказывал любовь и дружбу вашей стороне, тайно засылая и остерегая насчет приближения неприятелей. И в нынешнем месяце, получив предостережение из коша насчет турецкого и татарских замыслов, я уведомил о них боярина и вашу милость, вследствие чего вы и двинули полковника черниговского и других на защиту нашему углу и той стороне. Благодарю за помощь бедному нашему уголку и желаю присланному

войску победы над общими неприятелями. Одному поступку вашей милости удивляюсь: послали вы войско навстречу неприятелю, а между тем мимо меня, тайно засылаете и наговариваете не только города, но и пехотные полки, обещая им хлеб и довольство, а городским жителям мирное и безобидное пребывание под чужими забралами. Неужели это защита - войска отводить на свою сторону? Неужели это мирное пребывание - чужие углы портить? Вы подвинули войска свои к Днепру, как пишете, для того, чтоб нам надежнее было, покинув город, дома, жен и детей, переехать с клейнотами войсковыми и старшиною к вам для принесения присяги новому государю и сложения регимента. И прежде писал я о причинах, почему не могу ехать; и теперь (так как вижу, что ваша милость больше всего хлопочет о клейнотах) напоминаю: ехать мне не только к вам, но и в столицу, как человеку ни в чем невинному, не страшно; но для своей прихоти отдать вашей милости клейноты, поверенные мне не один раз в продолжение десяти лет всем войском, без собрания этого войска - городского и низового - это было бы с моей стороны слишком смело: какой бы я благодарности за это дослужился? Какой на будущее время славы и чести дому своему добыл? Рассуди сам высоким своим разумом и оставь это дело. Имеет ваша милость благодатию божиею от его царского величества полный свой регимент; никто вашей милости не завидует, не мешает. Пишете, что если не послушаю вашего совета и не поеду к вам, то полковнику черниговскому велено промышлять против нас с войском: очень хорошо для временной чести и прихоти начинать междоусобие! Благословит ли нас за это бог? Не будет ли неприятель над нами смеяться? Не будем ли за это осуждены? Довольно нам отвечать и за прежнюю кровь невинную, за неволю, в которую попались люди невинные; а мы еще на худшее преуспеваем! Я, при моей невинности, никому зла не желаю и всякому прощению ответ давать готов". Один из Дорошенковых полковников, Петриковский, съехавшись с Бурковским, говорил ему: "Ради бога, не верьте Дорошенку, он все обманывает, за ордою в Крым давно послал и надежен во всем на прежнее постановление с Серком и запорожцами".

Самойлович должен был ограничиться одними угрозами, по тому что к нему пришел царский указ: обнадеживать Дорошенка царскою милостию, перезывать его всякими мерами на эту сторону, но задоров с ним не делать, если с его стороны не окажется ничего противного. Вследствие этого Бурковский с товарищами, по указу гетманскому, отошел от Чигирина и распустил войска по домам. С другой стороны беспокоил Самойловича Серко. "Хотя мы теперь новому великому государю и присягнули, - писал кошевой гетману, - однако если ты и вперед не будешь нас допускать к милости царской, то вредно это будет одному тебе. Много уже терпим!" Серко досадовал на Самойловича, что тот не присылает в Сечь клейнотов, которые взял у Ханенка, не пропускает хлебных запасов на Запорожье, запорожцев из городов велел выбивать, царского жалованья, Переволоченского перевоза и местечка Кереберды не дал, не позволил стаду запорожскому зимовать в полтавском полку. Посланец гетманский

слышал, как на раде чернь запорожская кричала про гетмана всякие позорные слова; а на другой день пьяный Серко призвал посланца к себе, ухватил его за грудь, просил сабли и кричал: "Знаешь ли, как я тебе голову отсеку! Узнает гетман, как я зайду от Стародуба, а там их уж станут и бить. Присягал я великому государю царю в службе, только дедичного государя польского короля не оставлю. Как гетман Иван Самойлович придет к нам на Запорожье и войску поклонится, то пусть будет гетманом, а если к нам не придет, а придет к нам Дорошенко, то гетманом будет Дорошенко". В Москве уже сделан был выбор между постоянным до сих пор гетманом и издавна шатким кошевым: все дела по жалобам Серка отданы были на рассмотрение гетмана, только велено ему было безусловно не задерживать хлебных запасов, идущих в Сечь, чтоб не отлучить запорожцев от царской милости.

Ходили слухи, что Дорошенко собирается уйти на Запорожье; но он хотел сдержать свое слово - оставаться там, где родился и воспитан был, сидел в Чигирине, и Самойлович по-прежнему посылал в Москву известия о его поведении: "Не только к пашам, но к самому султану и хану знатных людей посылает, также и к полякам. А что санжаки турецкие к вашему царскому величеству послал, на это надеяться нечего: у него давно такой обычай, ко всем монархам, особенно к христианским, на словах склоняться, но на деле никому не хочет быть верен, кроме турецкого: сам султан ему позволил отослать санжаки в случае нужды, если какой-нибудь христианский государь будет сильно на него наступать. На эту сторону он никогда не переедет и старшинства с себя не сложит, того у него и в помышлении не было, нет и не будет. Все посылать к нему об этом грамоты для нас с боярином бесчестно, потому что он из этого смех строит и между малороссийским народом разные всевает небывалые слова". Самойлович просил указа идти на Дорошенка, пока не пришли к нему турки и татары на помощь.

Гетман не мог уладиться с Дорошенком и Серком, архиепископ Лазарь Баранович ссорился с протопопом Симеоном Адамовичем. Дело пошло из-за того, что протопоп владел многими маетностями, архиепископия же черниговская маетностями была скудна. "Архиепископии, - говорил Баранович, - больше нужно доходов на украшение церквей, на монастырь и на другие потребности, нежели протопопу только на домовое его строение. Я недавно две архимандрии, черниговскую и новгородскую, воскресил". Гетман и старшина согласились с мнением архиепископа, и протопопу дали знать, что села его и деревня с мельницами отписаны на архиепископа. Адамович в Москву, с жалобой, что архиепископ насильно завладел его маетностями. Баранович, узнавши о жалобе, велел нарядить суд над Адамовичем из архимандрита и протопопов; но Адамович не заблагорассудил явиться на этот суд и уехал в Москву. Баранович с просьбою к государю: "Аще бы смел каковы ложные рассевати клеветы, смиренно молю вашего царского пресветлого величества, чтоб ложным его клеветам вера не была дана, но паче да заградятся уста глаголющего

неправду, дабы та дерзость его совершенное восприяла непохваление". Гетман также прислал грамоту, заступаясь за архиепископа, объясняя, что он, гетман, имел право, по совету с старшиною, отнять маестности у протопопа и отдать архиерею, потому что последнему больше нужно доходов. В Москве, в Малороссийском приказе, дело кончилось тем, что Адамович отказался от спорных маестностей, а государь послал грамоту Барановичу, излагая дело так, что протопоп бил ему, государю, челом с слезным прошением, что он своего пастыря прогневал и повеления его страха ради не исполнил без хитрости; государь просил архиепископа, чтоб он для милосердия божия и для государственной милости отдал протопопу его бесхитростную вину и велел ему жить по-прежнему в своей пастве.

Улаживалось одно дело, начиналось другое. 4 августа явился в Малороссийский приказ стародубский полковник Петр Рославец и подал жалобу: "После Велика дня прислал ко мне в стародубский полк гетман Иван Самойлович заднепровских козаков, которые перешли на его сторону Днепра, пятьсот человек. Я их разместил по селам и деревням, велел поить и кормить и с лошадьми и давать денег - сотникам по пяти рублей в неделю, атаманам по девяти алтын, рядовым по две гривны, да по две кварты вина, да по кварте масла. Но козаки, не довольствуясь этим, стали собирать самовольством с жителей деньги и кормы. Потом 9 июля прислал из Чернигова владыка грамоту с запрещением, чтоб священники в церквах не служили и никаких треб не исправляли: за твое государственное здоровье молитв нет, много людей без покаяния померли, младенцы не крещены, роженицы лежат без молитв! Гетманские посланцы собирают поборы не в меру, уездных людей и козаков разоряют и меня скидывают с полковничества". Рославец просил, чтоб стародубский полк отошел под непосредственную власть государя, под начальство князя Гр. Гр. Ромодановского, подобно полкам - сумскому, рыбенскому, ахтырскому и харьковскому, потому что города Стародуб, Новгород Северский, Почеп, Погарь и Мглин - вотчина государева, бывали московскими городами. Наконец, Рославец просил, чтоб церкви в стародубском полку ведал московский патриарх.

В тот же день, 4 августа, пришло письмо по почте от гетмана: Самойлович доносил, что Рославец склонял стародубских полчан отложиться от гетманского регимента; те дали знать об этом гетману и просили, чтоб позволил им выбрать другого полковника; гетман дал позволение, а Рославец убежал в Москву. Полковнику сделали выговор от имени царского, что он учинил противно войсковому праву, не оказавши должного послушания гетману, и поехал в Москву без его ведома; надобно было ему других от своевольства унимать, а он сам своевольничает! Для разъяснения дела в Малороссию отправился стольник Алмазов, которому наказано: говорить с гетманом многими пространными разговорами, применяясь, что можно, чтоб ему было не в оскорбленье, приводить, чтоб между ними злоба не выростала, и привесть гетмана к склонности, обещая, что полковник окажет ему должное послушанье. Смотреть, чтоб и

старшине было не в досаду, говорить, усматривая их намерения, как они о том станут мыслить. Проведовать обо всем тайно, чтоб то дело между ними и всем войском успокоить и злобе вдаль распространяться не дать.

Только что Алмазов промолвил о мировой, гетман отвечал: "Хотя бы Рославец в чем-нибудь мне и больше досадил, то я бы ему простил; но этого дела никак так оставить нельзя, потому что Рославец говорил, будто к нынешнему его делу много советников, будто меня, гетмана, на этой стороне не любят: так пусть его судит старшина по войсковым правам, пусть он советников своих укажет, кто меня не любит. Не только у нас в малороссийских городах плуты и своевольные люди есть, но и в великороссийских городах и в иных странах; где и под страхом живут, и там без плута не бывает, а у нас в малороссийских городах вольность; если бы государской милости ко мне не было, то у них бы на всякий год было по десяти гетманов". Возвратясь в Москву, Алмазов донес, что все начальные люди бранят Рославца, а про гетмана никаких слов дурных не говорят. Архиепископ запретил стародубскому духовенству служить за то, что Рославец прибил одного священника. Наконец Самойлович дал знать в Москву, что Рославец затеял дело по совету протопопа Симеона Адамовича.

Алмазова немедленно опять отправили в Батурин, он повез Рославца на войсковой суд; но в грамоте своей к гетману царь писал, чтоб он простил преступника, который раскаивается.

Между тем всю весну и лето ходили слухи, что султан собирается под Киев; для подкрепления Ромодановского и Самойловича двинулся в Путивль боярин князь Василий Васильевич Голицын. Ромодановский и Самойлович получили указ давать отпор неприятелю; если же турки и татары под Киев и на восточную сторону не придут, то идти к Днепру и за Днепр, промышлять над Чигириным и Дорошенком, применяясь к прежним указам царя Алексея Михайловича и смотря по тамошнему делу. О турках не было слышно, и Ромодановский с Самойловичем двинулись к Днепру. Не доходя ста верст до реки, они отправили вперед стольника Григорья Косогова с 15000 московского войска и бунчужного Леонтья Полуботка с четырьмя полками. Увидав царское войско, прибрежные места, зависевшие от Чигирина, начали поддаваться. Косогов с Полуботком, подошедши под Чигирин, схватились с тамошними козаками; но после бою начались переговоры; Косогов послал к Дорошенку увещательную государеву грамоту. На этот раз Дорошенку ничего больше не оставалось, как исполнить царские требования. Священники с крестами, старшина и чигиринские жители явились в обоз к осаждающим на речку Янычару, в трех верстах от города, и принесли присягу. Дорошенко отправил своего двоюродного брата Кондрата Тарасенка и писаря Воехевича к Ромодановскому и Самойловичу с просьбою, чтоб прежние обещания, ему данные насчет сохранения здоровья и имущества, были исполнены, и, когда воевода и гетман уверили его в этом, он приехал к ним

в сопровождении 2000 человек и положил пред ними клеймоты - булаву, знамя и бунчук. Чигирин, "великому государю и всей Украине надобный город", был занят царскими войсками, пополам московскими и малороссийскими.

С торжеством возвращался Самойлович от Днепра. В Переяславле он нашел Алмазова с Рославцем. Выслушав о желании великого государя, чтоб преступник был прощен, Самойлович отвечал: "Я без государева указа никакого наказания Рославцу не учиню; но теперь объявилось новое дело: бывший Дорошенко генеральный писарь Воехевич подал мне сказку на письме за своею рукою, что нежинский протопоп Симеон Адамов присылал к Дорошенку козака Дубровского, приказывая с ним, что все хотят иметь гетманом Дорошенка, а именно полковники: стародубский Петр Рославич, прилуцкий Лазарь Горленко, Дмитрашка Райча, бывший генеральный писарь Карп Мокриев; да не только старшина и чернь, сам государь не хочет меня, Самойловича, иметь гетманом. Чего Дорошенко хочет, то надо мною и сделают: захочет убить - убьют или в Москву отошлют как Многогрешного. Протопоп поцеловал крест на том, что так сделается, и прислал этот самый крест к Дорошенку, а Дорошенко отдал его мне".

3 октября привели Рославца пред гетмана и старшину. "Я было надеялся, - сказал ему Самойлович, - что такого другого приятеля у меня и нет, как ты, Петр; а ты, забыв бога и присягу, хотел за добродетель мою к тебе убить меня, да господь бог не помог!"

"Я ни в каком совете с протопопом не бывал, - отвечал Рославец, - дел его никаких не знаю; моя вина одна, что поехал без гетманского ведома и отпуска к царскому величеству, побоясь черной рады, чтоб меня не убили". Тут Рославец повалился на землю перед гетманом и лежал долго.

27 октября великий государь указал и бояре приговорили в передней при святейшем патриархе: Рославца с советниками судить войсковым правом. Суд назначен был в январе.

Но прежде Рославца надобно было решить важный вопрос: что делать с Дорошенком? Где ему жить? Сначала Ромодановский и Самойлович поместили его в Соснице (в черниговском полку). В ноябре отправился в Батурин стольник князь Иван Волконский с приказом гетману прислать Дорошенка в Москву для подтверждения присяги; для успокоения Самойловича Волконский должен был ему говорить, что Дорошенко берется в Москву из уважения к его же, Самойловичевой, верной службе: Дорошенко ему, гетману, давний неприятель, так чтоб, будучи на этой стороне, по прежнему своему злоковарству не вымышлял каких-нибудь противных на него дел и не побуждал бы ко злу людей, не желающих покоя.

В Батурин приехал Волконский в начале декабря и для переговоров о Дорошенке отправился к Самойловичу часа за четыре до свету. "Теперь вскоре послать Дорошенка в Москву нельзя, - говорил гетман, - он переехал на эту сторону недавно и двора себе не построил, многих пожитков своих не перевез. Когда будут судить нежинского протопопа и Рославца, то это дело начнется Дорошенком: он главный обличитель. Потом мы обещали Дорошенку под Чигирином, что жить ему по воле, где захочет, и прежних дел его не вспоминать. Чигиринские старшины били мне челом, чтоб я позволил им поселиться на этой стороне, я позволил; но если теперь послать Дорошенка в Москву, то старшины усумнятся и сюда не поедут, да не было бы смуты и потому, что у Дорошенка много своих друзей на обеих сторонах Днепра, подумают, что его хотят заслать в Сибирь. А мне опасаться его не для чего: когда он и не был в подданстве у великого государя и не жил под моим региментом, то и тогда я знал все его замыслы, а теперь и подавно все буду знать". Наконец гетман объявил, что без совету с старшиною он не может решить этого дела; но и после совета Волконскому объявлено было то же - что отпустить Дорошенка нельзя по изложенным причинам. Решили, что гетман пошлет об этом грамоту государю, а Волконский будет дожидаться в Батурине указа. Указ пришел - оставить Дорошенка в Малороссии.

В январе 1677 года, на третий день после Богоявления, в Батурине начался суд над протопопом Адамовичем и полковником Рославцем; от Барановича присланы были черниговского Елецкого монастыря архимандрит Иоанникий Голятовский, игумен киевского Кириллова монастыря Мелетий Дзик и трое протопопов. Выслушав свидетелей, суд. приговорил Адамовича и Рославца к смертной казни, советника их, бывшего генерального писаря Карпа Мокриева, выслать вон из Украины, бывшие полковники - переяславский Дмитрашка Райча и прилуцкий Лазарь Горленко должны присягнуть, что к Протопопову и Рославцеву злему умыслу не приставали. Но на другой день гетман прислал государевы грамоты, в которых говорилось о помиловании преступников. Выслушав грамоты, духовные особы и генеральная старшина сказали: если протопопа смертью не карать, то велеть его постричь. Сам Адамович бил челом, чтоб его постригли. "Я и прежде этого желал, - говорил он, - да не исполнил, верно, за это меня бог и смиряет". Приговорили протопопа постричь, а Рославца несколько лет держать за караулом. Адамовича для пострижения отправили с бунчужным Леонтием Полуботком в Чернигов к архиепископу Лазарю Барановичу; но тут протопоп объявил, что не хочет постригаться. "Не хочу иночества, - говорил он, - да не будут последняя горше первых". Тогда Баранович лишил его священства и отдал Полуботку уже как мирского человека под мирской суд. Полуботок велел посадить его в "тесное узилище". Не вытерпев тесноты, Адамович объявил, что даст подробное показание о своих замыслах и соучастниках. Полуботок созвал к себе многих духовных и светских особ, и в их присутствии Адамович показал: "Дмитрашка Райча говорил, что застрелит гетмана из пистолета в войске; в другой раз говорил, что пойдет в Запорожье и там станет

бунтовать. Карп Мокриевич дважды говорил, что пойдет с Дмитрашкою в Запорожье бунтовать против гетмана. Я Дорошенку советовал и наказывал, чтоб спешил на эту сторону с Войском Запорожским и своим, обещая ему гетманство. Рославец говорил мне: порадеем о здоровье господина гетмана за то, что он ко мне не милостив. Когда я встретился с ним в селе Семеновском (я ехал из Москвы, а он в Москву), то он велел мне идти на Украину бунтовать запорожцев и Дорошенка для исполнения нашего намерения. Дмитрашка говорил, что вместе с гетманом надобно убить судью и бунчужного. Мы решили, что, убивши гетмана, жить не под царскою рукою, но поддаться хану". Адамович подписал это показание.

Между тем в Москве продолжали думать, что старый чигиринский гетман будет гораздо безвреднее здесь, чем в Малороссии, и в феврале известный уже нам стольник Семен Алмазов поехал опять в Батурин с требованием высылки Дорошенка. "Надобно об этом с старшиною посоветоваться, - сказал ему Самойлович, - потому что это народ мнительный; послыша, что Дорошенко услан в Москву, станут рассевать плевосеятельные слова, пронесутся эти слова к Серку, а Серко и подавно станет к этим словам привмещать такие же, и от того, сохрани боже, чтоб какого зла не случилось? Поляки сильно боятся, что Дорошенко на этой стороне, боятся, чтоб я и Дорошенко не заключили с султаном перемирия и не стали их воевать. Того не знают, какое здесь своеволие: кто какое слово молвит, и все к нему пристанут. И меня заподозривают; но если я помыслю какое-нибудь зло, то пусть господь бог казнит душу мою и тело, жену мою и детей и весь дом разорит; детей своих держу на Москве для верности; и если случится в Украине какое зло, то сейчас же, покинув все, поеду в Москву. Воля его царского величества, но лучше бы было, если б Дорошенко остался жить в Москве; пусть мои посланцы и Серковы, как будут в Москве, выдают его и знают, что он живет при милости царского величества. Я его с тобою отпущу, но чтоб про то никто не знал. Да хорошо было бы, если б брата его Грицка из Москвы отпустили в малороссийские города: родственники их, видя царского величества милость, обрадовались бы и на милость государеву обнадежились; много раз писала ко мне из Чигирина мать их об отпуске Грицка".

В Сосницу отправил гетман вместе с Алмазовым генерального судью Ивана Домонтова и с ним писал к Дорошенку, чтоб ехал в Москву безо всякого опасения, что и прежде был царский указ об отпуске его в Москву, но его не отправили, потому что он еще не осмотрелся, а теперь он поедет в Москву не для чего иного, как только для переговоров по делам турецким и крымским. Дорошенко, однако, сильно встревожился, когда Алмазов приехал за ним вдруг неожиданно. "Кого и к смерти приговаривают, и тому заранее о том дают знать, - говорил он, - бог судит гетмана, что меня не уведомил". Но, делать нечего, поехал.

20 марта Дорошенко видел государевы очи; думный дьяк говорил ему речь, объявил, что все вины его прощаются и никогда не будут вспомнаны,

государь указал быть ему при своей милости в Москве для способов воинских против неприятельского наступления турок и татар на Украйну; в надежду своей государской милости, по челобитью гетмана Самойловича, царское величество велел брата его, Дорошенкова, Григорья, расковать и ходить ему за караулом к гетманскому сыну Семену, а теперь, по гетманскому челобитью, велено Григорья отпустить в малороссийские города. Дорошенко бил челом, чтоб государь приказал привезти в Москву жену его и дочь. За ними отправился подьячий Юдин; но брат Дорошенка, Андрей, объявил ему: "Брат мне писал, что если жена его ведет себя хорошо, как обещала ему в то время, когда он взял ее к себе из черного платья (из монастыря), то присылать ее в Москву; а иначе отписать к нему без утайки. Я об ее поступках объявил гетману, объявляю тебе и к брату посылаю письмо. Брат Петр за злодейские ее дела положил на нее черное платье, но, видя маленькую дочь свою в сиротстве, умилосердился над злодейкою и взял ее к себе в жены по-прежнему, а она ему обещала, что до смерти ничего хмельного пить не станет. Но по отъезде брата в Москву стала она пить безобразно, без моего ведома ходить и чинить злодейство. Теперь велел я ей собираться ехать в Москву, а она при отце своем Яненке кричит: "Если ты в Москву пошлешь меня насильно, то брату твоему Петру не долго на свете жить!" Юдину этот рассказ показался подозрителен тем более, что гетман показал ему письмо Дорошенка к себе, в котором тот умолял Самойловича исходатайствовать ему у царя позволение возвратиться в Малороссию, напоминал о данном ему обещании оставить его жить там, где захочет. "Я знаю, - писал Дорошенко, - что я здесь в Москве не нужен, и приезд жены моей сюда также не нужен, а что приказывают, то исполняю по нужде". Гетман не отпустил Дорошенковой жены в Москву.

Между тем, по обыкновению, всю весну готовились в Украйне к встрече неприятелей, турок и татар. Султан на место Дорошенка провозгласил гетманом и князем малороссийским пленника своего Юрия Хмельницкого, который прислал на Запорожье грамоту от 5 апреля. "Спасителю нашему все возможно, - писал Хмельницкий, - нищего посадить с князьями, смиренного вознести, сильного низложить. Лихие люди не допустили меня пожить в милой отчизне; убегая от них, претерпел я много бед, попал в неволю. Но бог подвигнул сердце наияснейшего цесаря турецкого, тремя частями света государствующего, который грешных больше милует, чем наказывает (с меня берите образец!): даровал мне цесарь свободу, удоволил меня своею милостию и князем малороссийским утвердил. Когда был я в Запорожье, то вы мне обещали оказать любовь и желательство и вождем меня иметь; так теперь обещание исполните и отправляйте послов своих в Казыкермень для переговоров со мною". Подписано: "Георгий Геден Венжик Хмельницкий, князь малороссийский, вождь Войска Запорожского". Грамота подействовала на Запорожье. 15 мая отправился туда из Москвы стряпчий Перхуров с государевым жалованьем; когда, по обычаю, прочли на раде государеву грамоту, то в войске раздался крик: "Сукон прислано мало! Поделиться нечем! Достанется по одной рукавке!

Мы служили отцу государеву и ему, государю, служим верно, над бусурманами всякий промысел воинский чиним неотменно, а жалованья нам прислано мало! А мы и вперед обещаемся верно служить". Серко говорил: "Войско меня не слушается, потому что государского жалованья, знамени и булавы у меня нет; а если бы знамя и булава ко мне были присланы, то козаки были бы мне послушны". Козаки продолжали кричать: "Гетман Самойлович отнял у нас перевоз под Переволочною, даром возить не велит и запасов к нам не присылает. Если турецкое войско на кош к нам придет, то мы Сечь сожжем, а сами пойдем по островам на воду; а тут нам сидеть не у чего, запасу у нас никакого нет". Самойлович опять начал доносить в Москву на Серка, что с ханом крымским заключил перемирие, что к Хмельницкому часто посылает и совершенно уже к нему склоняется.

В июле приехал в Батурин стольник Карандеев от государя с соболями и атласами для гетмана и старшины за верную их службу. Ему поручено было переговорить с Самойловичем о Серке, о Дорошенко и о не решенном еще деле Рославца и Адамовича. Карандеев требовал от гетмана, чтоб он "послал в Запорожье знатного человека и всячески старался не допускать Серка до перемирия с ханом; чтоб не допустить турок овладеть Кодаком, осадил бы его своими людьми; иначе низовому Войску Запорожскому будет теснота и разоренье, а неприятелю свободный путь в малороссийские города; если же пошлется войско малороссийское в Кодак, то запорожцы обнадежатся".

"Послать мне войска в Кодак нельзя, - отвечал гетман, - потому что этим городом заведывает Серко, а послать, не спросясь с запорожцами, - только озлить их".

Потом Карандеев начал говорить о Дорошенковой жене, чтоб прислать ее в Москву, муж не перестает об этом просить. "Я не мешаю, - отвечал гетман, - пусть едет". "Но зачем ты, гетман, - продолжал Карандеев, - хлопчешь об отпуске Дорошенка назад на Украину, чего ты боишься? Дорошенко взят в Москву для тебя и для целости Малороссии, чтоб он, будучи в Украине, не наделал какого-нибудь зла". "Об отпуске Дорошенка на Украину я и не думаю бить челом, - отвечал гетман, - в настоящее военное время Дорошенку быть на Украине нельзя". Наконец речь дошла до Рославца и Адамовича. "Протопопа и Рославца, - сказал гетман, - я отправлю с нарочными посланцами в Москву, чтоб великий государь пожаловал меня, приказал сослать их на вечное житье в дальние сибирские города для страха другим".

И августа привезли в Москву Рославца и Адамовича, и на другой день состоялся указ о ссылке их в Сибирь. Спешили покончить с этим делом и успокоить гетмана, который уже двигался с двадцатитысячным войском к Днепру: с 4 августа Ибрагим-паша с Хмельницким стояли под Чигирином, ожидая хана. Хмельниченко, величая себя князем сарматским, прислал требование, чтоб сдали ему стольный город, которым Дорошенко не имел

права распоряжаться. Воеводою в Чигирине был генерал-майор Трауернихт. 7 августа ночью он сделал удачную вылазку и схватил 11 человек языков; турки повели было подкоп к верхнему замку, но остановились рыть, встретив дикий камень. Между тем 10 августа Самойлович соединился с Ромодановским, и 17 числа из-под Снятина отправили в Чигирин полк пехоты сердюков и 1000 человек драгунов с приказанием спешить днем и ночью. Посланные исполнили приказание, перебрались на правый берег Днепра, ночью прокрались через неприятельские полки и явились в Чигирине к неописанной радости осажденных, которые уже истомились и упали духом, не имея известий о своих, а к туркам пришел хан с ордою. 25 августа явились к Днепру против Чигирина, у Бужинской пристани, князь Ромодановский и гетман Самойлович; на противоположной стороне Днепра уже стоял хан со своими татарами и частью турецкого войска. Неприятель занял остров на Днепре, чтоб не допускать русских до переправы, но был выбит. Русские с острова переправились на западный берег, 28 августа схватились с неприятелем, поразили его и гнали пять верст от берега. Испуганные турки и татары на другой же день ушли от Чигирина, покинув запасы и пушки и оставив под городом 4000 янычарских трупов. Ибрагим-паша складывал всю вину на хана, который вовремя не пошел на левую сторону Днепра и не дал знать о московских и козацких войсках. Честь этого дела, надолго оставшегося памятным, принадлежала полуполковнику выборного полка генерал-майора Агея Шепелева Семену Воейкову, солдатскому полковнику Самуилу Вестову, стольнику и полковнику Григорию Косокову, а из малороссиян - полковникам полтавскому Левенцу и нежинскому Барсуку. Ромодановский и Самойлович, подождавши у Чигирина до 9 сентября и слыша, что турки бегут к границам, отправились назад за Днепр, тем более что конские кормы все были истреблены неприятелем, а у ратных людей запасов стало мало. Самойлович возвратился с торжеством, потому что по его настоянию московское правительство решило держаться в Чигирине. И теперь гетман настаивал, чтоб государь указал укрепить Чигирин, ратными людьми осадить и хлебными запасами озапасить, точно так же как и Киев, да послать туда боярина с государевыми ратными людьми, а он, гетман, со своими людьми Чигирина не удержит и без московских людей на своих он ненадежен. Чигирин покинуть нельзя, потому что всей Украине защита и оборона добрая; стоит он на реке Тясме (Тясмине), через которую орде нигде бродов и перенравы нет. Чигиринская война дала также Самойловичу случай выставить перед царем в черном свете поведение Серка: "Кошевой к пресветлому престолу вашему государскому и ко мне не желателен, потому что перед чигиринским походом помирился с ханом и турками, во время войны никакой нам помощи не дал и, когда хан бежал через Днепр вплавь с ордами, не бил его, а велел козакам перевозить татар в челнах".

Эти нелады у гетмана со знаменитым полевым воином очень не нравились в Москве; бояре приговорили - привести Серка с гетманом в союз. "За такие злые поступки Серка воздастся ему в день праведного суда божия, -

писал государь Самойловичу, - но мы, государь христианский милосердый, не допуская его для имени христианского к вечной погибели, ожидая его обращения, те его вины и преступления отпускаем, если он эти свои вины верною службою заслужит и к тебе будет так же желателен, как и прежние гетманы". С милостивым словом Ромодановскому и гетману за чигиринскую войну отправился в Малороссию стольник и полковник Тяпкин. Посланному наказано было спросить Ромодановского: "Какое его намерение о Чигирине на будущее время? Можно ли этот город держать или надобно его разорить? Если держать, то какая от этого будет прибыль? Сколько в него надобно будет послать московских ратных людей и козацких полков? И откуда в Чигирин возить хлебные и оружейные запасы, и чрез такую великую днепровскую переправу какими способами помощь давать ратными людьми?" "Мое намерение такое, - отвечал Ромодановский, - разорить Чигирин отнюдь нельзя, очень бесславно и от неприятеля страшно, и не только Украине убыточно, но и самому Киеву будет тяжело. На остальные же вопросы напишу по статьям, снесшись с гетманом".

Те же вопросы Тяпкин предложил в Батурине Самойловичу. "Если Чигирин разорить или допустить неприятеля им овладеть, - отвечал гетман, - то разве прежде разоренья или отдачи сказать всем в Украине народам, что уже они великому государю не нужны. У нас во всем козацком народе одно слово и дело: при ком Чигирин и Киев, при том и они все должны в вечном подданстве быть. Если Юраска Хмельницкий засядет в Чигирине со своими бунтовщиками, тогда все народы, которые из-за Днепра на эту сторону вышли, пойдут опять за Днепр к Юраску. А если засядут в Чигирине турки, то султан не будет посылать им запасов из своих городов, будут брать запасы с городов и сел этой стороны, и дорога будет открытая туркам под Путивль и Севск, потому что Днепр и Заднепровье будут у них в руках". Тут гетман взглянул на Спасов образ, заплакал и сказал: "Молимся, да избавит господь бог и великий государь нас и потомков наших от такого тяжкого бусурманского ярма!" Касательно Серка Самойлович прямо объявил Тяпкину, что кошевой поддался султану: "Султан прислал казыкерменскому бею 30000 червонных золотых, чтоб подкупить Серка с козаками. Бей из польских татар, учился в школах, знает языки; он съезжался с Серком в степи, ходили они между кустами, взявшись за руки, и тут кошевой присягнул султану".

Для уяснения этого важного дела в декабре отправился в Запорожье подьячий Шестаков, с которым гетман отпустил своего посланца, войскового товарища Артему Золотаря. Шестаков на раде выговаривал запорожцам: зачем они не подали помощи царскому войску под Чигирином? Зачем не били татар, бежавших через Днепр от этого города?

"Мы под Чигирин не ходили потому, что войска было на коше мало, - отвечал Серко, - да и потому не ходили, что турки и татары прежде Чигирин хотели идти на Сечь. Чтоб упредить этот злой замысел, мы с

ханом помирились, да хотели мы при этом, чтоб татары выкупили у нас пленных, потому что войско было голодно, добычи никакой, запасов также. Да и для того помирились с ханом, что много раз писали к гетману Ивану Самойловичу, чтоб царское величество прислал к нам своих ратных людей на оборону, как присылал царь Алексей Михайлович, да и сам бы гетман пустил к нам городовых козаков; но гетман козаков к нам не пустил и запасов не прислал, войско только и кормилось что рыбою; а когда с ханом заключили перемирие, то за татар брали большой окуп да ходили за солью к морю; а если бы с ханом мы не помирились, то войско померло бы с голоду. Турок и крымцев, бежавших из-под Чигирина, мы не громили потому, что войска в Сечи было мало: все, надеясь на мир с ханом, разошлись по промыслам, и теперь войска в Сечи мало: все по промыслам. Пожаловал бы государь, велел прислать к нам своих ратных людей, а гетману приказал прислать полтавский полк, и мы по весне, как скоро войска и запасы будут к нам присланы, перемирие с ханом нарушим и пойдем в Крым войною". Гетманскому посланцу Серко говорил наедине, что он царскому величеству не изменил и если помирился с турками и татарами, то для того только, чтоб приманить к себе Хмельницкого и, схватив его, отослать в Москву. Для уверения Серко вынул из-за пазухи крест и целовал.

Это не заставило Самойловича смотреть доброжелательнее на запорожского кошевого, и скоро последний усилил еще это недоброжелательство, начав советовать государю разрушить и покинуть Чигирин. "Для чего это он советует? - писал Самойлович. - Чтоб вместе с Хмельниченком привести в исполнение свой злобный замысел. Пусть только Чигирин достанется им в руки, хотя бы и разоренный; они снова его укрепят, Хмельниченко сделает в нем столицу своего княжества. Серко - главный город своего гетманского регимента, потому что уже и теперь Серко величает Хмельниченка князем Малой России, а Хмельниченко Серка - кошевым гетманом Войска низового Запорожского". Из турецких владений в Киев дошел и список условий, заключенных Серком с Хмельницким: 1) чтоб вере православной гонения не было; 2) податей никаких и ясырю не давать; 3) вольности Войска Запорожского не нарушать; 4) чтоб старшин и войска турецкого и татар ни в каких малороссийских городах не было. Из самого Царяграда давали знать, что Серко присылает султану все государевы грамоты и гетманские листы.

Надобно было приготовляться к тяжелой войне с разных сторон; зиму и весну 1678 года приходили постоянно вести, что турки с огромными силами нагрянут под Чигирин, с тем чтоб непременно взять этот город. В Цареграде в это время находился стольник Поросукон, присланный к султану с царскою грамотою для попытки, нельзя ли прекратить тяжелую и опасную войну и по крайней мере разведать обстоятельнее о турецких замыслах. Для последнего Поросукон обратился к патриарху; тот отвечал, что желает всякого добра великому государю, как себе царства небесного, и о замыслах неприятеля креста Христова объявляет: султан турецкий,

имея чрево свое бусурманское ненасыщенное, устремляется этим летом с войсками своими поганскими и желает из-под державы его царского величества владения Петра Дорошенка отобрать, а потом и всю Украину овладеть. И сами они явно пророчествуют, что царским величеством побеждены будут, только не могут узнать, в какое время. Боясь этого пророчества, султан пойдет только до Бабы, а визиря пошлет под Чигирин. Поросуков спросил об Юраске Хмельницком, по его ли патриаршему благословению монашество с него снято? Патриарх отвечал: "Хмельницкий снял с себя монашество своевольно, желая себе столько же освобождения из неволи, сколько княжения и гетманства. По его наущению визирь несколько раз присылал ко мне с просьбами и угрозами, чтоб я с Юраски монашество снял, на княжение малороссийское и гетманство запорожское его благословил; но я от этого принуждения освободился подарками и Юраску к себе не пустил. Вчера, - продолжал патриарх, - султан слушал привезенную тобою грамоту, приказал тебя отпустить, а к царскому величеству писать об уступке в турецкую сторону Чигирина и владений Дорошенковых по Днепр. Молю царское величество, чтобы ради церкви божиих и веры христианской Чигирин и Украины султану не уступал, а если уступит, то не только Малой России, но и государству Московскому тяжек будет неприятель". Государь согласился с мнением Самойловича, Ромодановского и цареградского патриарха, что необходимо удержать Чигирин, укрепить его и снабдить войском. В чигиринские воеводы назначен был окольный Ив. Ив. Ржевский, известный своею распорядительностью, умевший ладить с малороссиянами, что доказал во время своего воеводства в Нежине. В Киеве Ржевский должен был взять хлебные запасы, под которые гетман выставял подводы; ко Ржевскому должны были присоединиться назначенные для чигиринского осадного сиденья полки малороссийские, также отряд войска Ромодановского. Но ничего этого Ржевский не нашел и 17 марта вступил в Чигирин один, без хлеба, потому что подводы от гетмана не были присланы, о войсках в Чигирин не было вести; в Чигирине Ржевский нашел разбитые стены, пустые житницы и услышал рассказы о беспрестанных набегах татарских. Когда в Москве узнали об этом, то в Курск к Ромодановскому и в Батурин к гетману поскакал в апреле стольник Алмазов спросить, что они думают. Ромодановский отвечал, что идет к Днепру немедленно и о Чигирине будет радеть; гетман отвечал, что у него войска не в сборе и он пойдет к Ромодановскому один для переговоров, что пугаться нечего, войска и запасы поспеют в Чигирин, хотя подводы стоили страшно дорого, каждую нанимали за четыре и за пять рублей, а неизвестно, придет ли и половина их назад.

Действительно, подкрепления и запасы успели прийти в Чигирин, потому что визирь Мустафа явился осаждать этот город только 9 июля, Ромодановский с Самойловичем стояли у Днепра, у Бужинской пристани, в первых числах июля и 6 числа начали переправлять войска свои на правую сторону. Переправа шла очень медленно; большая часть войска находилась еще на левом берегу, когда 10 числа татары переправились на этот берег

тайком у Крылова, подкрались и ударили на русские обозы, но были прогнаны с уроном. Так же неудачно кончилось нападение неприятелей 11 числа на те передовые русские полки, которые уже переправились на правую сторону. 12 июля все русские войска стояли на правой стороне на Бужинских полях и на другой день выдержали бой с пятью пашами турецкими и ханом крымским. С тех пор бои не прерывались, потому что турки, пришедши из-под Чигирина через Крылов, расположились обозом в 7 верстах от русских и делали на их таборы беспрестанные наезды. 29 июля к русским на подмогу явился князь Каспулат Муцалович Черкасский с калмыками и татарами и принимал деятельное участие в боях. 3 и 4 августа, после упорных битв, русские овладели важным пунктом - Стрельниковою горою, приблизились к Чигирину и вступили с ним в сообщение. Здесь уже не было воеводы Ржевского: 3 августа взошел он на стены и сильно обрадовался, увидав приближение русских полков; но в эту самую минуту из неприятельского обоза поднялась граната и поразила воеводу.

Чигирин недолго простоял после Ржевского. Турки вели три подкопа под нижний большой город; 11 августа подкопы взорвало у реки Тясмины близ домов, которые загорелись; осажденные, видя пожар, побежали в обоз к своим чрез московский мост, но турки зажгли мост, он обрушился, и много русских погибло, в том числе гадяцкий полковник Криницкий; много козаков погибло также от подкопов. Одновременно с нижним городом турки успели зажечь новый верхний, сделанный недавно Ржевским; русские засели в старом верхнем городе и бились с неприятелями до самого вечера, дважды выбивая турок из города. Ночью пришел к ним приказ от Ромодановского и Самойловича зажечь город и выходить к ним в обозы, что и было исполнено, а на рассвете поднялись и Ромодановский с гетманом к Днепру, покинув навсегда курящиеся развалины несчастной столицы Хмельницкого. Неприятель преследовал отступавших, но без успеха, и 20 числа под Чигирином не было более и турок.

Но уходом визиря из-под Чигирина беда не кончилась: Хмельницкий с татарами остался на западной стороне, занял Немиров, Корсунь и другие города и оттуда напал на восточную сторону; вся осень и зима прошли в тревогах, а на лето опять ждали самого султана в Украину. В марте 1679 года приехал в Москву от гетмана знатный войсковой товарищ Иван Степанович Мазепа и имел с думным дьяком Ларионом Лопухиным любопытный разговор. "Надобно, - говорил Мазепа, - чтоб на оборону Киева и всего Малороссийского края прислано было много войска, а бояр и воевод было бы с ним не много, и ратные люди слушались бы их, а большой воевода был бы один; а если будут бояре и воеводы многие и полки у них разные, то бояре и воеводы станут между собою местами считаться и ни один своего полку полчан никому не даст, будет всякий своих полчан беречь, и будет оттого нестроенье". "Кому боярам и воеводам быть, - отвечал Лопухин, - о том уже писано в царских грамотах; промысл чинить надобно смотря по тамошнему делу и по совету с гетманом, а

прежде времени знать об этом нельзя; надобно делать так, как случай воинский покажет; а боярам и воеводам быть всем вместе, и розни между ними быть не для чего". "Буди воля великого государя, - продолжал Мазепа, - но в прошлую войну с князем Ромодановским ратных людей было много, а как они были на той стороне Днепра и шли на выручку к Чигирину и у неприятелей гору брали и как шли назад из-под Чигирина отводом, то государевых ратных людей на боях очень было мало, только были солдатские полки да стрелецкие приказы, и в стрелецких приказах людей к бою было мало же, человек по триста, остальные стрельцы все были в обозе у телег, а от рейтар и городских дворян только крик был; к гетману полковники и головы присылали беспрестанно, просили людей в помощь, и гетман людей своих к ним посылал, а сам остался только с двором своим и драгунским полком, который, по указу государеву, в воинских случаях при нем всегда бывает". *Лопухин*. "У сотен были головы, у рейтар полковники и начальные люди: и они чего смотрели? Для чего ратных людей к промыслу не высылали? То их дело!" *Мазепа*. "В то время смотреть было некогда, всякому было до себя!"

Вторым неудачным чигиринским походом князь Ромодановский окончил свое продолжительное военное поприще. Он был отозван в Москву. Гетман Самойлович один продолжал военные поиски на западной стороне. Он дал знать государю, что посылал сына своего Семена с войском на западный берег и жители Ржищева, Конева, Корсуня, Черкас и других городов при виде государева войска из-под султановой власти выступили и добились челом царскому величеству; гетманский сын выжег все города, местечки, села и деревни на западной стороне, чтоб впредь неприятельским людям пристанища не было.

Как же смотрели поляки на все эти события на западной стороне Днепра, на которую они постоянно предъявляли притязания на основании Андрусовского перемирия?

В начале царствования Феодора русским резидентом в Польше оставался Тяпкин, продолжавший посылать в Москву жалобы на свое несчастное положение: из Москвы не присылали денег, а в Польше не давали корму. "В Краков на коронацию мне нечем подняться, - писал он из Львова, - занять не добуду без залога, а заложить нечего, одна была ферезеишка соболья под золотом, и та теперь в Варшаве у мещанина пропадает в закладе, потому что выкупить нечем. Поневоле не поеду на коронацию, ежели денег на подъем не добуду. Лошадь лучшая одна и была, на которой волочился на двор королевский и к панству, и та теперь пала, выбресть не на чем в люди, придется и самому также издохнуть от скудости; от старых ран беспрестанно болен. Не такие тут порядки, что в государстве Московском, где как пресветлое солнце в небеси единый монарх и государь по вселенной просвещается и своим государским повелением, яко солнечными лучами, всюду един сияет; единого слушаем, единого боимся, единому служим все, един дает и отнимает по данной ему государю свыше

благодати. А здесь что жбан, то пан, не боятся и самого создателя, не только избранного государя своего; никак не узнаешь, где, у кого добиться решения дела, все господа польские на лакомствах души свои завесили". Нашел наконец Тяпкин двоих добрых людей, у которых занял денег под заклад последней служивой рухлядишки, и отправился в Краков.

Когда Тяпкин объявил королю о подданстве Дорошенка, то Собеский очень удивился; резидент заметил по лицу, что весть эта не очень приятна его королевскому величеству. Паны говорили между собою: "Вот вам дружба и помощь царская: отобрал у нас всю Украину!" Но другие утешали себя тем, что теперь вся злоба султана и хана обратится на Москву и царь поневоле будет более усердным союзником Польше. Все приходили вести о сильных сборах султана, и 4 марта 1676 года литовский канцлер Пац потребовал у Тяпкина, чтобы тот испросил себе немедленно у своего двора полномочие на подписание следующих условий: чтобы царь приказал своим войскам соединиться с польскими и идти на турок под одним начальством, а король отправит часть своих войск для соединения с русскими и для похода на Крым; чтобы это постановление было исполнено вскоре на самом деле, не на обещаниях только, без отговорок. "А согласитесь ли на продолжение перемирия еще на 13 лет?" - спросил Тяпкин. "Можем согласиться на половину", - отвечал Пац. Но в то же самое время молдавский посланник Кантакузин, уезжавший в Молдавию, по секрету рассказал Тяпкину, что король тайно отправил резидентом в Молдавию шляхтича Карбовского с приказанием завести с турками мирные переговоры чрез посредство господаря молдавского. О ходе переговоров Карбовского Кантакузин обещал давать знать Тяпкину через епископа Антония Винницкого. Кантакузин прибавил, что начало мирных переговоров у поляков с турками уже положено посредством хана крымского.

Тяпкин при первом случае объявил литовским панам, что до него дошли слухи о тайных мирных переговорах с турками и что это противно Андрусовским и Московским договорам. Паны стали сначала домогаться, от кого резидент мог об этом проведать, и, когда Тяпкин отвечал решительно, что не скажет, начали говорить, что у них мира с турками еще никакого нет, отправлены только посланники в Седмиградскую землю и в Молдавию, чтобы как-нибудь задержать турок от нападения на Польшу, а между тем заключить окончательный договор о соединении с царскими войсками. "Удивляться этому нечего, что посланники и гонцы у нас бегают, - говорили паны, - утопающий и за бритву рад ухватиться; так и мы хотя много обещаний от царского величества слышим, но на деле до сих пор не можем ничего видеть, и от этого республика великий вред терпит". "Если царское величество, - говорил гетман Пац, - из подозрительности не хочет соединить своих войск с нашими, то король готов хотя заклад дать какой угодно, и не только заклад, готов сына своего отправить в Москву в заложники, лишь бы только царское величество велел соединить войска безо всякого подозрения и опасения. Если же турецкий султан покажет

склонность к миру, то королевское величество и республика тебе тотчас об этом объявят". "А на каких бы условиях согласились вы заключить мир с султаном?" - спросил Тяпкин. "На условии возвращения Каменца и всех завоеваний", - отвечал канцлер Пац. "Но если султан не согласится на это условие?" - спросил опять Тяпкин. "Тогда делать нечего, - отвечал канцлер, - поневоле уступим все, чтоб республике не погибнуть".

16 марта прибежал гонец от польского резидента в Седмиградской земле, привез условия визиря, присланные к седмиградскому князю; условия были: Польша должна уступить Турции на вечные времена Каменец, Подолию, Волынь, Украину всю по обе стороны Днепра; поляки не должны вступаться, когда турки будут отбирать украинские города, занятые русскими; султан отказывается от дани, обещанной королем Михаилом: пусть поляки как можно скорее высылают комиссаров для заключения мира, пока султан и визирь не вошли с войсками в польские пределы, а если войдут. то и на этих условиях не заключат мира. Оба Паца, канцлер и гетман, прямо сказали Тяпкину, что надобно согласиться на все. "Бог взыщет на тех пограничных государях, которые не помогают Польше. Пиши, - говорили они резиденту, - пиши к Артамону Сергеевичу Матвееву, чтоб по ходатайству всех бояр, окольных и духовных людей государь велел соединиться войскам".

Но в Москве трудно было согласиться на это соединение, когда резидент в то же время доносил: "Волохи и молдаване, знатные особы, приходят ко мне и говорят от имени старших своих и от себя, чтоб великий государь непременно приказал силам своим смело наступать на Крым, а когда бог благословит, Крым возьмут, то все христианские земли, не только Украина, Волынь, Подолия, но и волохи, и молдаване, и сербы, поддадутся под высокую руку его царского величества. Теперь турки в большом числе стоят наготове, куда пойдут - в Польшу или к Киеву - узнать не по чему; только по некоторому тайному согласию у турок с поляками надобно ожидать турок к Киеву, и потому господари молдавский и валахский наказывают, чтоб государство Московское было в великой осторожности. Из Польши в Турцию, Крым, Молдавию и Валахию беспрестанно бегают тайные посланцы, все ищут способов, как бы помириться с турками, но от этих способов соседям надобно быть в большой осторожности. Полякам сильно не хочется, чтоб Крым и помянутые все земли были под властью великого государя, по причине православной веры, которая бы тогда обняла кругом области римской церкви. Поляки - *приснобытныи* ненавистники церкви божией: божницы жидовские они почитают, жидов братьями они считают и обходятся с ними в сотеро лучше, чем с православным русином; духовные их сильно гонят и ненавидят церковь божию. Лютеранских и кальвинских костелов не смеют так разорять, как разоряют и пустошат восточные церкви, потому что за костелы стоит шведский король и курфюрст бранденбургский, которые об этом в договорах написали. Поэтому здешние православные христиане

просят великого государя внести в договоры с Польским государством, чтоб не было гонения им от католиков".

Поляки проведали (чрез распечатывание писем, как утверждал резидент), что Тяпкин не очень к ним благоволит и пишет в Москву "перестерегательства целому здравью государства Московского от разных противных союзов и факций". Король, увидавши его, обратился с гневными словами и угрозами, тряся палкою. "По твоим затаенным письмам, - кричал Собеский, - до сих пор не можем с царским величеством заключить союза и получить помощи". Тяпкину объявили, что не будут признавать его резидентом, пока не придет от нового царя грамота, подтверждающая его в этом звании; удалили его из Кракова в Варшаву. Слышались даже угрозы, что отошлют Тяпкина в Мариенбург в заточение. Тяпкин отвечал сенаторам: "Государь ваш гневается на меня и подозревает напрасно, будто я своими письмами ссору его с царским величеством. Что королевское величество и вы, господа сенаторы, поступали и поступаете вопреки перемирным договорам, о том не я один, весь свет знает. Все знают, что вы ссылаетесь не только тайно, но и явно с турками и татарами, не объявив ничего великому государю ни через своих послов, ни через меня. Я не хочу быть здесь ни слепым, ни глухим, ни немым, что вижу и слышу, обо всем писал, пишу и буду писать к своему государю, всякую правду, и говорить обо всем буду". Действительно, Тяпкин не переставал извещать государя о "дивных замыслах французской факции": французский король хлопочет о мире поляков с турками, чтоб можно было французские и польские войска обратить против цесаря и Пруссии; победивши цесарцев и пруссаков, обратится вместе с шведами на Московское государство. Победивши Москву, все католические государи пойдут на Турцию, не соединяясь с православным государством, чтоб народы греческого православия обратить к римской церкви. А если бы московские силы допустить на турецкие земли, то все греки, волохи, сербы, молдаване и козаки украинские с ними соединятся и возьмут верх над католическими державами". Тяпкин умолял Матвеева: "Умилосердись, донеси великому государю и всем ближним людям, чтоб непременно послали войска на Крым; все факции неприятельские этим помрачены будут и погаснут; а если не пойдут царские ратные люди этим летом на Крым, ей великое бесславление, поношение и оскорбление государству Московскому учинится". Тяпкин боялся союза шведов с поляками и потому советовал теперь же объявить войну Швеции, пока шведские войска заняты неудачною для них войною с курфюрстом бранденбургским: "Подобает, конечно, шведу от Лифлянтов заиграть трубными и рыцарскими гласы, где не трудно господь бог может первым счастьем помазанника своего благословить, и не только Лифлянтами или Ригою, но и самым Варяжским морем обдарить. Теперь время разорить шведа до основания и отвести его от лукавых намерений с польским двором, потому что немецкие государи зело его изрядно подчивают и он от них, как заяц, по островам бегаёт. А здесь посол его разглашает: "Лихи на нас были ближние бояре, особенно Матвеев, они отвращали от мира покойного

государя; но теперь дай бог здоровья патриарху московскому: он нынешнего молодого государя духовными беседами склонил к вечному миру с нами".

Весною татары начали пустошить Воынь, Подолию, Галицию; король жил в своем имени Яворове, недалеко от Львова, и не мог двинуться по неимению войска. Посланник его Чихровский, приехавший в Москву в июне 1676 года поздравить царя Феодора с восшествием на престол, объявил требование, чтоб в августе месяце сорок или по крайней мере тридцать тысяч русского войска с артиллериею и запасами соединились с войском королевским; чтоб другая часть русского войска шла на Крым; при этом Чихровский объявил, что только при условии действительного исполнения этих требований он имеет полномочие продолжить срок перемирия. Царь отвечал королю, что князю Ромодановскому и гетману Самойловичу дан приказ быть наготове, пересылаться с гетманами польскими и договариваться с ними о соединении войск. На Крым уже послали войско с князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским и калмыками, также на Дон отправлен стольник Воынский со многими ратными людьми. Когда Ромодановский и Самойлович с одной стороны, а польские гетманы - с другой придут к Днепру, то прежде всего будут договариваться о продолжении срока перемирия, а потом уже договорятся о соединении войск. Так как в существующих договорах постановлено друг без друга не мириться с султаном и ханом, то, если с польской стороны начнутся переговоры с турками, царский резидент должен на них присутствовать. Тяпкин писал в Москву: "Пленных, говорят, тысяч с сорок татары набрали и погнали в свою землю, а у поляков одни речи: пусть поганая Русь, схизматики, погибают!" Но когда осенью новое турецкое нашествие начало грозить не одной Руси, но и Польше, то мир с турками, необходимость которого уже давно была провозглашена, заключен был в октябре под городком Журавном: Подолия с Каменцом была уступлена султану. Украина оставлена за козаками по старым рубежам, кроме Белой Церкви и Павлочи, которые отошли к Польше. Тяпкин, которому, по договору, надобно было присутствовать при заключении мира, не был даже уведомлен о начатии переговоров. Для своего оправдания поляки начали указывать на подданство Дорошенка, на занятие русскими войсками городов западной Украины. Когда Тяпкин приехал к подскарбию коронному Морштину нарочно, чтоб что-нибудь узнать повернее о заключении мира, то подскарбий встретил его словами: "Царское величество отбирает украинские города - Чигирин, Канев, Черкасы; Дорошенко, поддавши Чигирин, поехал в Москву. Мы очень удивляемся, что государь ваш ничего не объявил нашему государю о взятии этих городов". "Еще больше удивится царское величество, - отвечал Тяпкин, - что ваш великий государь, презрев договоры, заключил мир с султаном и ханом, не обославшись с царским величеством, даже и мне, резиденту, который должен был присутствовать при переговорах, объявить не велел". "Мы это сделали поневоле", - возразил подскарбий. Тяпкин продолжал: "Что государь наш принял Дорошенко с городами, тому вам удивляться

нечего, потому что царское величество отбирает города и народы христианские не у короля и республики, а из-под ига бусурманского, под которое вы их сами поддали не только по договорам короля Михаила, но и по последнему вашему миру с турками". "Условия последнего мира, - сказал подскарбий, - отложены до сейма; бог еще знает, примет ли их Речь Посполитая, у нас народ вольный".

Сильное раздражение поляков на Дорошенка за то, что поддался Москве, заставило Тяпкина быть осторожным относительно слухов, распускаемых насчет сношений бывшего чигиринского гетмана с турками и татарами. "Слухам этим, - писал резидент в Москву, - нельзя совершенно еще верить, только надобно соблюдать большую осторожность и проводывать о нем сущую правду, или, для большей его верности, жену его, детей, братьев, тестя и тещу держать в Москве, а ему обещать большую государскую милость и награждение, чтоб верно служил; потому что много поляки из зависти с сердца на него клеветают, желая, чтоб он пропал; боятся его, потому что он воин премудрый и промышленник великий в войсковых поступках, все их польские *франтовские* штуки не только знает, но и видел. Король, сенаторы, гетманы и все войско про него говорят, что нет такого премудрого воина не только по всей Украине, но и в целой Польше".

Сейм утвердил Журавинский договор. 21 марта 1677 года Тяпкина позвали к королю, который, взяв его за руку, повел в сад и здесь во время прогулки начал говорить: "Пан резидент! Не могу я надивиться, отчего это у нас идут такие долгие пересылки с царским величеством, а союза заключить никак не можем? Не знаю, отчего это сам царское величество и вся его дума держат на меня подозрение, тогда как я всегда оказывал доброжелательство к государству Московскому. Многим боярам и воеводам известно: когда под Чудновым наши поляки сделали нехорошо, боярина Василья Борисовича Шереметева в Крым отдали, я против этого крепко стоял, не только бранился со своими гетманами, но даже хотел идти на помощь к князю Юрию Никитичу Борятинскому. Теперь, будучи государем своего народа, стараюсь сердечно быть в братской дружбе со всеми христианскими государями, и особенно с царским величеством, которому желаю всякого добра, как сам себе. Зная, что ваши государи желают, чтоб папа писал их полный царский титул, я, утаясь от всей Речи Посполитой, писал к отцу папе с просьбою, чтоб описывал царский титул по достоинству, надеясь, что государь ваш это мое ходатайство примет с благодарностию и к братской дружбе склонится. Папа соглашается с тем, однако, чтоб и царское величество со своей стороны писал его титул как следует. Напиши об этом к царскому величеству слово в слово, как от меня слышал. Давно стараюсь войти с вашим государем в братскую любовь, но мешают тому ссоры от разных недоброжелательных народов". Тут Собеский ударил себя в грудь и сказал: "Пан резидент! Пиши все мои слова, чтоб царское величество не подозревал меня ни в каком лукавстве, но считал бы меня верным братом и ближним другом. Нечего его царскому

величеству на то смотреть, что теперь у меня заключен с турками мир. Мир этот не долог и не сладок он мне; принужден я к нему страшными силами поганскими, которых мне нельзя было одолеть без помощи. Теперь поганцы на Чигирин, на Киев и на самое государство Московское ополчаются, и ничем царское величество так не устрасит турчина, как если пошлет козаков в Крым и на Черное море. Отпиши и о том к царскому величеству, чтоб позволил послам нашим и резиденту бывать у себя запросто, без посольских чинов, как ты теперь у меня, наедине говоришь, что хочешь, и все от меня узнаешь, а эти пышные посольские приемы к сближению и союзу не ведут. Нечему дивиться, что прежде у вас такого обычая не было: прежде не было таких больших между государствами ссор, таких продолжительных и частых комиссий и беспрестанных посольств. А теперь пришло время, чтоб всем нам, государям христианским, чрез послов своих взаимно друг другу показывать ближайшую и вернейшую дружбу и с послами и резидентами не все чрез ближних сенаторов сноситься, но для осторожности и крепчайшего в делах государственных утверждения самим нам послов и резидентов спрашивать и взаимно свое намерение к братолюбию объявлять. Напиши все это царскому величеству, а грамоты я к нему не посылаю для того, чтоб сенаторы и республика ничего не знали".

Это искреннее объяснение было последним. В апреле кончился сейм, постановивший оставаться в мире со всеми соседними государствами, и в мае Тяпкин выехал из Варшавы в Москву. В июле 1678 года великие и полномочные послы королевские, князь Михайла Чарторыйский и Казимир Сапега, заключили в Москве договор - быть перемирию еще на тринадцать лет, считая с июня месяца 1680 года, и в это время иметь радение о постановлении вечного мира; при этом договоре с русской стороны уступлены города Невль, Себеж и Велиж с уездами и, кроме того, заплачено 200000 рублей московских - все за Киев!

Ничего не жалели, чтоб не отдавать Киева полякам; но теперь, после разрушения Чигирина, надобно было готовиться к защите Киева от турок. Чтоб предупредить новое нашествие султана и хана на Украйну, в декабре 1678 года отправили в Константинополь дворянина Даудова с грамотою, в которой царь предлагал султану восстановление прежних дружественных отношений между Россиейю и Портою, указывая на исконные права русских государей на всю Малороссию. Даудов повез грамоту и от патриарха Иоакима к муфтию. "Надеемся, - писал патриарх, - что вы, первый и начальнейший блюститель мусульманского закона, на показание своей духовности, о покое и тишине всенародной большой подвиг свой и учение предложите и всяким образом хитростно военное расширение удержите, и плод в том правды пред господом богом в дар принести похощете, и народам своим милость и покой ходатайством у султана величества упросите, и рати, начинающиеся неправдою, за причину богомерзкого законопреступника Юраски Хмельницкого, пресечете".

Но если в Москве после второго чигиринского похода сильно желали мира, боясь, чтобы на лето не явилась турецкая рать теперь уже под Киевом, то и в Константинополе также сильно желали мира, потому что война оказалась вовсе не прибыльной, под Чигирином турки потеряли очень много людей, и идти под Киев у них не было большой охоты. Не зная еще о посольстве Даудова, султан дал поручение валахскому господарю Иоанну Дуке быть посредником при заключении мира между Россией и Портою. В мае 1679 года валахский посланник капитан Билевич имел разговор с думными дьяками, объявил, что султан желает мира и требует только части Украины, где бы жить Юраске Хмельницкому, иначе будет стыдно - ведя такую долгую войну, помириться безо всякой выгоды. Дьяки спросили: какой упадок был турецких войск под Чигирином? Билевич отвечал, что в первом походе янычары потеряли 8000, во второй было войска турецкого со 100000 и пропало с треть. Спросили: как теперь турки смотрят на Юраску Хмельницкого и чего вперед от него ожидают? "Турки рады были бы, чтоб его не было, - отвечал посланник, - вся беда от него: по его словам, турки ждали, что козаки только что заслышат об нем, так все к нему и пойдут; но теперь ничего этого нет. Когда я ехал сюда и заезжал к нему, то видел, что он беспрестанно пьян и безумен". Царь в грамоте к Дуке писал, что согласен быть с султаном в дружбе с условием, чтоб турки не вступались в земли днепровских козаков.

В это время приезжают в Москву польские послы, Бростовский и Гнинский, с объявлением, что король их разорвет мир с султаном, если царь обяжется соединить свои войска с польскими и давать королю ежегодно на военные издержки по крайней мере 200000 рублей. В Москве никак не согласились на последнее, и дело отложено было до комиссии, назначенной в июне 1680 года.

Осенью возвратился Даудов и привез грамоту от визиря, который требовал присылки верного и словесного посла с подлинным и правдивым словом, безо всякого спора об украинских козаках. Визирь предлагал отправить посланника в Крым для ведения мирных переговоров. Приехал вторично Билевич и объявил условия Мира: границею между обоими государствами должен быть Днепр; султан, раз взявши Дорошенка в свое подданство, не может отказаться от земель, находившихся под управлением Дорошенка.

Турки не мирились без уступки им западной Украины. Но в Москве не хотели решиться на это без совета с человеком, который назывался гетманом обеих сторон Днепра.

В конце октября 1679 года в Батурине шли тайные разговоры у гетмана Самойловича с царским посланным, дьяком Емельяном Украинцевым. "Тебе, - говорил дьяк, - известно все, что у великого государя делается с королем польским, султаном турецким и ханом крымским на покой и тишину Войску Запорожскому и посполитому народу малороссийскому, ничего от тебя, по государственной милости, не утаено. И теперь царское

величество велел тебе объявить, что турки склонны к миру, а польские послы в Москве говорят, чтоб великий государь соединил свои войска с королевскими и идти обоим на турецкого султана, в государство его. Так ты бы, гетман, подумал об этих делах особо и с старшиною посоветовался да и написал бы со мною обо всем к царскому величеству".

"О турецком мире мысль свою напишу и с старшиною посоветуюсь, - отвечал гетман, - а что польский король желает союза с царским величеством, то я польскому королю не доверяю, думаю, что он хочет союза с некоторого своего великого вымысла, чтоб от этого союза у великого государя с турецким султаном еще больше стало недружбы, чтоб войска государевы частыми подъемами и дальними походами истомились. На что лучше союза с польским королем! Только опасно его непостоянство, потому что он с турками и татарами в большой дружбе. Во всем воля великого государя; но я со всем Войском Запорожским прошу милости царского величества, чтоб изволил великий государь с турецким султаном и крымским ханом мир заключить, и мир с бусурманом прибыльнее будет союза. С польским королем союз заключить невозможно, потому что царским войскам идти на помощь польскому королю за дальним расстоянием и за пустотою на той стороне Днепра далеко; по тому же самому и польские войска на помощь государевым войскам не будут. Разве такой союз с польским королем заключить, чтоб царским войскам идти в Крым войною, а польским в Волошскую землю и за Дунай; да и такой бы союз заключить не даром, а потребовать, чтоб король польский заключил за то с великим государем вечный мир, без вечного мира верить ему нельзя, потому что он великому государю недоброхот. Слышал я от волошского посланца Яна Билевича: когда он был у короля еще до чигиринского разоренья, то король приказывал ему, что господарь его наговаривал султана и визиря начать войну с царским величеством".

На отпуске гетман говорил Украинцеву: "Донеси царскому величеству покорное мое и генеральной старшины и всего Войска Запорожского челобитье, чтоб великий государь изволил с турецким султаном и ханом крымским становить мирный договор, потому что козакам и посполству малороссийскому нынешняя с бусурманами война наскучила, и надобно опасаться, чтоб они от этой войны чего-нибудь дурного не вздумали. Теперь с султаном и ханом мир заключить можно, потому что неприятель до сих пор над царскими войсками поиска никакого еще не сделал, а если вперед сделает какой поиск, тогда к миру будет горд, да и от своих козаков тогда будет опасно. С королем соединяться нельзя, потому что поляки, как слышу, просят у великого государя городов и денежной казны и чтоб идти обоим войскам к Дунаю и за Дунай: но все это несносное и нестаточное дело. Хотя бы мы вместе с поляками над неприятелем и победу одержали, то поляки станут эту победу и славу приписывать себе, и Войска Запорожского своевольные люди, по польским наговорам, станут полякам же ту славу приписывать, и опасно, чтоб эти своевольники, пришедши с

войны в малороссийские города, не завели там смуты. Если вместе с поляками выйти против неприятелей в степь, то сейчас же татары конские кормы отнимут, и тогда от своевольных козаков без беды не будет, а поляки станут их нарочно возмущать и ко всему злу наговаривать. Я опасаюсь и того, чтоб поляки в нужное время царских ратей и Войска Запорожского не выдали, потому что они люди своевольные и слабые, нужды терпеть не будут. Да хотя бы и победу царское войско одержало, и тогда все же надобно мириться с султаном и ханом, неприятеля в его земле воевать никак нельзя за дальним расстоянием и за великою пустотою, и тогда поляки при заключении мира только мешать будут. А теперь король польский послал в Запороги к Серку белоцерковского попа для того, чтоб в Запорогах смуту завести: поп этот поручил моему канцеляристу Чуйкевичу, который был в Запорогах, сказать мне, чтоб я обратился с Войском Запорожским к дедичному своему государю, к королю польскому. И Серко тому же Чуйкевичу говорил, что пора им, соединясь с поляками и татарами, Москву воевать: ясно, что такие елова начал Серко говорить по наговору белоцерковского попа".

Мнение гетмана окончательно развязало руки к начатию переговоров с Крымом и Портою. В конце 1679 года отправились в Крым к хану Мурад-Гирею посланники Сухотин и дьяк Михайлов; но они не решили дела насчет определения границ, притом же дьяк Михайлов своевольно покинул Сухотина и уехал в Москву. Для окончания переговоров в августе 1680 года поехал в Крым наш старый знакомый стольник Василий Тяпкин и дьяк Никита Зотов вместе с малороссийским писарем Семеном Раковичем. 25 октября приехали они на реку Альму на посольский стан, и первое, что их поразило, - бедность строения на посольском дворе: четыре *пуншишки* складены из дикого нетесаного камня, смазаны скаредным навозом, без потолков, без полов, без лавок, без дверей, для света сделано по одному окну. "Воистину объявляем, - пишет Тяпкин, - что псам и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам, посланникам царского величества, а лошадям не только никаких конюшен нет, и привязать не за что, кормов нам и лошадям ничего не давали, а купить с великою нуждою хлеба и ячменя и соломы добывали, и то самую высокую ценою". Приехал пристав и объявил, чтоб ехали к хану, который жил в селе от посольского двора верст с пять; но когда посланники приехали, то им объявили, что прежде хана они должны быть у ближнего его человека, Ахмет-аги. Посланники отвечали, что, не бывши с государевою грамотою у ханова величества, по иным дворам волочиться им непригоже. "Грамоту у вас отнимут силою", - кричали татары. "Где головы наши будут, там и грамота, - отвечали посланники, - а когда увидите нас мертвыми, тогда и грамоту возьмете, гроз ваших и бесчестья и всякой тесноты не боимся". Татары приутихли, стали говорить, чтоб один из посланников остался с царскою грамотою на подворье, а другой пошел бы повидался прежде с ближним человеком. Тяпкин отправился к Ахмет-аге и, вошедши, поздоровался с ним, "а бусурман, надувшись поганою своею гордостью, сидел на коврах, облокотившись на бархатные золотные

подушки", поздоровался сидя и велел посланнику сесть подле себя. Ахмет-ага начал выговором, зачем посланники ханской воли ослушались и не хотели прежде идти к нему, ближнему человеку: "У нас обычай такой исстари повелся, что посланники, прежде чем идти к хану, бывают у ближних людей; или уже честнее вас посланников здесь не бывало?" "Мы с прежними посланниками честью не считаемся, - отвечал Тяпкин, - если у вас прежде так и водилось, как ты говоришь, то мы вашего указа не принимаем, мы прежде всего должны исполнить государевы дела. Нигде не повелось, чтоб ближним людям, мимо государя, у послов грамоты принимать, это у вас в Крыму обычай грубый; мне случалось быть в послах у многих великих государей, и посольские чины я знаю. Если прежние царские посланники бывали у ближних людей прежде хана, то я этому не дивлюсь, потому что у вас всегда посланникам царского величества бывает великая неволя, теснота и бесчестье, чтоб вынудить у них богатые дары, как теперь и над собою видим. А мы присланы к ханову величеству не дары раздавать, а добрые дела делать".

После торжественного приема у хана начались переговоры, при которых присутствовал и пленный боярин Василий Борисович Шереметев. Тяпкин и Зотов предложили границу по реки Рось, Тясмин и Ингул. Ближние хановы люди засмеялись и отвечали: "Если за вами только дела и есть, то не за чем было вам сюда и ездить: по те реки уступки не бывало и впредь не будет". Тщетно посланники склоняли ближних людей "всякими приятными разговорами", государевым жалованьем обнадеживали, иным и давали: татары стояли на своем, что, кроме Днепра, другой границы не будет: до тех мест, где нога войск султановых заступила, по мусульманскому закону уступки тут быть не может. Чтоб склонить хана, Тяпкин витиевато объяснял перед ним важное значение *посредника*, которое Мурад-Гирей принял на себя, объяснил, какую честь и доверие оказал ему царь, отправив посланников своих к нему в Крым, а не прямо в Константинополь к султану. Хан был тронут, но отвечал, что он человек невольный, должен исполнять указ султана; если б та земля была его, ханская, то он бы охотно постановил межу, какая угодна царскому величеству. Посланники обещали хану 10000 червонных золотых, ближним людям 3000, султану турецкому и визирю соболей на 5000 рублей; хан отвечал, что не может согласиться и за 100000 червонных. Видя упорство посланников, хан велел их постращать земляною ямою, где ни печи, ни лавок, ни потолка, ни окон. И действительно, посланников посадили на запор, не велели пускать к ним купцов с съестным и дровами.

Посланники уступили и подали хану следующие статьи: 1) перемирию быть на 20 лет (начиная с 3 января 1681 года), рубежом быть реке Днепру; ханову величеству будет дана казна за прошлые три года и потом будет присылаться каждый год по старым росписям. 2) В перемирные 20 лет от реки Буга до реки Днепра султанову и ханову величествам вновь городов своих не ставить и старых козацких разоренных городов и местечек не починивать; со стороны царского величества перебежчиков не принимать,

никакого поселения на упомянутых козацких землях не заводить, оставить их впусе. 3) Крымским, очаковским и белгородским татарам вольно по обе стороны Днепра, на степях, около речек, кочевать, для конских кормов и звериных промыслов ездить; а со стороны царского величества низовым и городовым козакам Войска Запорожского, промышленным людям, плавать Днепром для рыбной ловли и по всем степным речкам на обеих сторонах Днепра для рыбы и бранья соли и для звериного промысла ездить вольно до Черного моря. 4) Киев с монастырями и городами, местечками и селами всего своего старого уезда, т. е. ниже Киева, Васильков, Триполье, Стайки с селами, да выше Киева два местечка - Дедовщина и Радомышль остаются в стороне царского величества. 5) Запорожские козаки также остаются в стороне царского величества, султану и хану до них дела нет, под свою державу их не переживают. 6) Титул царского величества писать сполна, как он сам его описывает. Пленники, боярин Шереметев, стольник князь Ромодановский и все другие, отпускаются на окуп и на размену. 7) Султан и хан не должны помогать неприятелям царским. Хан, выслушав статьи, сказал, что они написаны разумно и ему годны. Поехал гонец в Константинополь и привез согласие султана на условия. Но когда дело дошло до шерти, то Тяпкин и Зотов увидели, что шерстная грамота написана иначе, очень сокращенно, с пропуском целых статей - о Запорожье, о свободном плавании по Днепру. Посланники объявили, что они такой грамоты не примут. Татары в ответ закричали: "Или вы государей наших учить приехали и свои упрямые обычаи и лишние слова писать? Возьмете и не в честь, что вам изволит написать и дать ханово величество, потому что всякий государь волен на своем государском престоле и делает что хочет, а вы нас не учите и нам не указывайте! А если заупрямитесь и грамот не примете, то грамоты посланы будут к вашему государю с ханскими послами, а вас, за ваше упрямство, велят держать в кандалах и зашлют в вечную неволю". Посланники отвечали, что они такой шерстной грамоты принять не смеют, пошлют гонца в Москву и будут дожидаться, что великий государь им укажет. Хану доложили об этом и принесли ответ, что по приказу султана посланников велено отпустить немедленно в Москву с шерстными грамотами. Тут посланники объявили, что они готовы к отпуску и шерстные грамоты примут поневоле: будут ли эти грамоты царскому величеству годны и к содержанию перемирных договоров крепки, о том великому государю как бог известит.

4 марта близ Бакчисарая, на поле в шатрах, Тяпкин и Зотов были на отпуску у хана. Мурад-Гирей, целуя Коран, говорил, что он и султан клянутся содержать мирное постановление непорочно двадцать лет; на посланников и переводчиков надели золотые кафтаны, а посланники за это поднесли дары хану, который сказал им, чтоб великий государь поскорее отправлял послов своих к султану для подкрепления договоров, а которых статей нет в его ханской шерстной грамоте, те будут внесены в грамоту султанову: он, хан, об этом писал уже к султану и впредь писать будет. Наконец хан говорил со светлым и радостным лицом: "Когда царствующего града Москвы достигнете и сподобитесь видеть великого

государя своего пресветлое лицо, то от нашего ханова величества ему поклонитесь, посредничество наше между ним и султаном турецким, радение в мирных договорах, откровенную пред вами дружбу и любовь нашу его царскому величеству донесите. А вам счастливый путь!" Посланники поклонились хану до земли, благодаря за жалованье. Когда вышли из шатра, провожали их до лошадей беи, карачеи и мурзы, и прощались любовно; множество христиан и бусурман, слышав о заключении мира, толпились у шатра и провожали посланников радостными восклицаниями. Если в Крыму так радовались заключению мира, то еще больше радовались в России, и особенно в Малороссии. Во всех городах малороссийских, чрез которые проезжали посланники, были им торжественные встречи, встречали духовенство с крестами и святою водою, полковники, сотники и есаулы с конным войском, с знаменами, трубами и литаврами, сердюцкая пехота с барабанами, мещане с хлебом, солью и напитками; везде принимали с радостью, любовью и слезами, благодаря бога за мирное постановление, кормили, поили, давали подводы. В Батурине гетман Иван Самойлович обнял посланников отечески, с великою любовью и радостными слезами, благодарил за любовь и совет к писарю его Семену Раковичу, особенно благодарил и кланялся за то, что к нему заехали и тем честь его гетманскую в малороссийском народе прославили. На радостях гетман задал большой пир; перед замком во время тостов гремели пушки, музыка играла во весь обед. На отпуске гетман просил напомнить великому государю о малороссиянах, перешедших с западной стороны Днепра на восточную, не имеют они никаких *хлебопитательных* промыслов, кормит их он, гетман, из своей шкатулы: чтоб великий государь велел поселить их в сумских, краснопольских и других слободских угодьях, на степных реках и дубравах; да чтоб всем малороссиянам, которые находятся под Белгородским разрядом, велел быть под его гетманскою властью и булавою в вознаграждение за западную сторону Днепра, которая теперь отошла к туркам.

Когда в Крыму было все кончено, надобно было взять утвержденную грамоту и от султана. Для этого в 1681 году отправился в Константинополь дьяк Возницын. Но турки не захотели внести в свою утвержденную грамоту статьи о Запорожье, что оно принадлежит государю русскому. Тщетно Возницын настаивал на внесении статьи и не хотел брать грамоты: визирь объявил решительно, что посол или должен взять грамоту, или уехать без грамоты. Возницын обратился за советом к патриархам - константинопольскому, иерусалимскому и александрийскому, которые были все тогда в Цареграде; патриархи присоветовали ему взять грамоту. Посол исполнил совет, но, принимая грамоту у визиря, протестовал: "Я принимаю эту грамоту поневоле и повезу ее к царскому величеству на произволение, не зная, будет ли она годна или нет".

Царское величество производил принять грамоту. В Москве были очень довольны, избавившись от тяжелой и опасной войны с пожертвованием

голой степи, ибо такой вид имело тогда уступленное туркам Заднепровье. Виновник этого запустошения западной Украины, виновник отдачи ее туркам, Дорошенко, жил покойно в Москве.

В октябре 1679 года приезжал к нему дьяк Бобинин с милостивым государевым указом: "Известно великому государю, что ему, Петру, в кормах и питье и в конском корму скудость, и потому великий государь пожаловал его, указал ему быть на Устюге Великом воеводою". Дорошенко поклонился в землю и спросил: "Далеко ль этот Устюг от Москвы и каков город?" "От Москвы с 600 верст и город славный, многолюдный", - отвечал дьяк. "Великий государь, - сказал Дорошенко, - обнадежил меня своею милостию, велел мне быть со всеми родственниками в Соснице, а после приказал быть в Москву на время. А как я видел царские очи, и тогда премногою государскою милостию был обнадежен, указали мне жить в Москве, двор мне дали, корм и питье. Буду бить челом великому государю, чтоб меня на воеводство посылать не изволил: у меня в малороссийских городах три брата родные и родственники, как услышат, то не подумают, что я отпущен на воеводство, а представится им, что я сослан в ссылку, и будет оттого большое дурно на обеих сторонах Днепра. Объявляю я об этом, зная тамошних народов нравы. Яненко великому государю изменил, предался Хмельниченку, и я не таю, что Яненко и Хмельниченко мне родственники. В Соснице у меня было оставлено много имения; из этого имения много взял гетман, много распропало, а если царское величество отпустит меня на воеводство, то и остальное все пропадет. И теперь я в большом сомнении, что из Сосницы и других городов от сродников моих недель с шесть никакой ведомости ко мне не было; а как я буду на таком дальном воеводстве, то и подавно все от меня отступятся и писать ко мне не будут за таким дальним расстоянием". Но после Дорошенко одумался и взял Вятское воеводство.

Другая козацкая знаменитость скоро также сошла со сцены. В сентябре 1680 года приехали в Москву запорожские посланцы, полевой полковник Шербиновский и войсковой писарь Быхоцкий; они привезли известие, что Иван Серко умер 1 августа и на его место выбран Иван Стягаило. Быхоцкий в тайном расспросе сказал: "Когда Серко был кошевым, то от него никакого добра к великому государю не было, а говорить явно никто ему о том не смел, для того что чрез меру, или с допущения божия, или какою его хитростию все его боялися, и что замерит, то и сделает, а если б кто не захотел его слушаться, того бы тотчас убили, потому что в кругу у нас всякому вольность, а если бы на кого Серко что-нибудь затеял, то без всякого розыску смерть тут же в кругу. Серко не хотел добра великому государю, во-первых, за то, что был в ссылке в Сибири; во-вторых, злобился на гетмана за то, что жене его и детям была великая теснота и обида за то, что отнял у Запорожья старинные маетности и промыслы и не присылал запасов. Были к Серку посылки от польского короля, чтоб он ему служил, и кошевой начал думать, как бы в Украине сделать кровопролитие. Послышав об этом намерении, король прислал к нему из Белой Церкви

попа; Серко чрез этого попа обнадежился, послал к королю сына своего и с ним сотню козаков, отзываясь с верною службою и с таким замыслом, чтоб король навел хана с ордою на слободские украинские города, а свои войска послал по Задесенью; Серко же в это время под королевским знаменем пойдет также к слободским городам, и когда малороссийские жители увидят на себя такую тесноту, а про Серку услышат, что он служит королю, то начнут бунт, гетмана убьют, а Серка провозгласят гетманом, обнадежась на то, что он чрез польского короля от турок и татар даст им покой. Сила божия не допустила этого намерения до совершения, мы с судьей Яковом Константиновым поработали тут богу и послужили верно великому государю, до злого намерения Серко не допустили, не дали ему и с Крымом договориться, чтоб быть под обороною турецкого султана. С этих пор Серко пришел в отчаяние, что не мог исполнить свое намерение, и начал хворать, заболел у него левый бок, отчего стал чрезмерно худ. Во время болезни войском не занимался, а постоянно жил в пасеке своей, которая от Сечи в десяти верстах в Днепровых заливах со всякими крепостями. Войско стало негодовать, но он говорил козакам: "Слушайте меня, я человек старый и воинский, знаю, что в какое время делать, и так вы добрых молодцов растеряли, что без моего совета посылали их в степь". Король присылал к нему волоха именем Апостольца, который всякими тайными разговорами приводил его к исполнению вышеобъявленных злых дел; мы с судьей узнали об этом от Апостольца, который начал нам говорить, чтоб мы слушались старого воина Серка, что нам прикажет, исполняли бы. Мы спрашивали у Серка, зачем приехал Апостолец, но он нам не объявил, только вычитал свои и войсковые обиды. Незадолго перед смертью Серко велел себе сделать гроб и в нем ложился, говорил, что прежнего себе здоровья не чаает, и 1 августа умер в своей пасеке скоропостижно".

В Сечь отправился царский посланец Бердяев, повез подарки кошевому и старшине, всему войску повез 500 золотых червонных, 150 половинок сукон, по 50 пуд пороху и свинцу. Бердяев приехал на кош в ноябре и говорил на раде, чтоб запорожцы не держались вперед противных поступков, какие делали при Серке, и чтоб присягнули на верность царскому величеству. "Для чего нам присягать? - раздались в ответ голоса. - Мы великому государю не изменяли и изменять не хотим; а сукон прислано нам мало, поделиться нечем, не будет на человека и по пол-аршину: на Дон великий государь посылает денег, сукон и хлебных запасов много; мы против донских козаков оскорблены". Тут же на раде был гетманский посланец Соломаха; он начал говорить: "Гетман обещается присылать вам хлебные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вам в год надобно; и денег будет присылать, из тех, что собираются с аренд".

Стал говорить кошевой: "Хотите или не хотите великому государю присягу дать? А я от себя дам потому: прежде у бывшего кошевого атамана Ивана Серка с гетманом Иваном Самойловичем была недружба и непослушанье и

войску было худо, государева жалованья и от гетмана хлебных запасов не приходило много лет".

"Есть нам за что присягать! - закричала толпа. - К вам, старшим, прислано государево жалованье большое; вы и в Москву посылали бить челом себе о жалованье, а чтоб войску было жалованье, о том челом не били". Кошевой хотел идти в церковь присягать, но его не пустили; сильнее всех мутил войсковой писарь Петр Гук, потому что ему не прислано подарков; но в Москве думали, что в Сечи один только писарь Быхоцкий, и дали ему подарки, не зная, что Быхоцкий был старый писарь, а на его месте давно уже был Гук. На другой день после заутрени собралась другая рада; Гук переменялся, начал уговаривать козаков, чтоб принесли присягу, и толпа пошла в церковь целовать крест. Когда Бердяев возвратился, то в Запорожье послали немедленно еще 50 половинок сукон и жалованье Гуку.

Опасная турецкая война, продолжавшаяся во все почти царствование Феодора, разумеется, должна была иметь влияние на отношения России к другим державам. С Швециею шли прежние споры вследствие пограничных столкновений; но тщетно Дания убеждала русское правительство разорвать мир с Швециею: гроза на юге не давала возможности думать о войне на севере. Отказавшись от предложений датских относительно Швеции, московский двор попытался было отвлечь от России силы Турции, вооружив против нее Австрию: боярин Бутурлин ездил в Вену склонять императора к разрыву с Турциею, но получил отказ, под предлогом враждебных отношений Австрии к Франции и бездействия Польши. Но если с западными державами можно было вести дело путем дипломатических переговоров, то на востоке со степными хищными ордами это средство было недействительно, тем более что там же, в степи, жили козаки, которые не спрашивались с государством, когда им надобно было добыть зипун или отмстить за обиду. Мы видели, что новые кочевые соседи России, калмыки, волею-неволею должны были признать над собою власть великого государя и ходить на помощь русским войскам. Правительству нужно было поэтому щадить их, и в 1677 году в Москве с неудовольствием узнали, что между калмыками и донцами началась ссора. С разных мест по Волге начали приходиться вести, что козаки ходили громить калмыцкие улусы. Стрелецкие сотни погнались для проведывания; наедут, козаков спрашивают: зачем ходили на калмыков, по какому указу? Козаки, которые подбросовестнее, отвечают: "Государева указа у нас нет, чтоб за калмыками войною ходить, но калмыки чинят нам обиды большие, и мы, не хотя от них обиды терпеть, собрались да и пошли на них войною, а не для ради иного воровства". Другие, менее добросовестные, отвечают: "Мы ходили на калмыцкие улусы войною по указу великого государя, а тот указ у нас на Дону в войске". Разумеется, на Дону никакого указа не было, а был указ в Астрахани, по которому тамошние воеводы отправили голову конных стрельцов Змеева вверх по Волге остановить козаков и поворотить их назад на Дон. Выше Черного Яру Змеев встретил 22 лодки, в них 245 козаков с атаманом Игнатьевым.

Змеев объявил им указ великого государя - на калмыцкие улусы войною не ходить, поворотиться в свои козацкие городки и жить с калмыками в миру, потому что они служат великому государю. Козаки отвечали: "Вышли мы на Волгу-реку на калмыцкие улусы для того: в нынешнем году приходили под многие наши козацьи городки калмыцкие люди войною, жен и детей многих в полон взяли, стада отогнали; и мы ходили на них войною по многим задорам, хотели у них отбить из полону жен, детей и стада, и отбили только со 150 лошадей, а жен и детей своих в улусах нигде не застали, и хотели было еще на калмыцкие улусы идти, чтоб отбить жен и детей и остальные стада, но теперь, слыша великого государя указ, на калмыцкие улусы не пойдем, поворотим в свои козацьи городки". И действительно поворотились. В январе следующего 1678 года верный слуга царский, князь Каспулат Муцалович Черкасский, писал к государю, что ездил он в калмыцкие улусы к Аюке и другим тайшам звать их на государеву службу на Крым, но Аюка сказал, что на службу не идет за разореньем от донских и яицких козаков, которые людей у них побили, жен и детей побрали. Царь немедленно отправил князю Каспулату приказ ехать в калмыцкие улусы и помирить калмыков с донскими козаками.

На Волге донцы поворачивались назад, услышав указ великого государя; но на Яике сильно пахло разинским духом. В июле 1677 года в Москве получена была весть, что воровские козаки, вышедшие из яицких городов, под начальством Васьки Касимова взяли на Яике городок Гурьев (названный так по имени строителя Михайлы Гурьева), государеву казну, пушки, свинец и порох забрали и расположились на Каменном острове в устье Яика; астраханский воевода, князь Константин Щербатов, выслал против них 800 стрельцов в пятнадцати стругах; но в Москве вспомнили о Разине и сильно испугались, выслали в Астрахань боярина Петра Михайловича Салтыкова с приказом идти с великим раденьем и поспешеньем, неоплошно, для того что в Астрахани малоллюдно и над воровскими людьми промышлять некем. Голова казанских стрельцов Мамонин нагнал воров на море и поразил. Воры в числе, 230 человек (в том числе 40 раненых) пристали к трухменскому берегу, но трухменцы прогнали их, и они объявились у персидского берега на острове Сары, на котором стоял и Стенька Разин; живя на острове, они выезжали на море воровать; но шах послал на них ратных людей, с которыми у них опять был неудачный бой. В конце года воры явились под Бакою в четырех стругах, но тут их выкинуло на берег, 29 человек, которые забраны жителями и отвезены к шамахинскому хану.

Мы видели волнение башкир в царствование Алексея Михайловича; при Феодоре волнения возобновились, тем более что война России с Турциею не могла не отозваться между мусульманским народонаселением степей. В начале 1679 года из Верхотурья дали знать в Москву, что крестьянский *садчик* (призывавший и селивший, саживший крестьян) и прикащик одной из слобод Арапов был в Кунгурском уезде в татарской деревне для разных покупок; в эту деревню при нем пришло к татарам

десять человек башкирцев и говорили между собою, что на весну они будут воевать Кунгур, сибирские слободы и подгороды; башкирцы говорили: "Чигирин турки и крымцы взяли и государевых людей побили, и мы будем воевать, потому что мы с ними одна родня и душа". Арапов извещал, что все татары и башкирцы кормят лошадей, луки и стрелы делают, и ружья у них много, у всякого человека по две и по три пищали, винтовки. Вслед за тем действительно татары явились на лыжах под Кунгур, взяли острог и деревни вырубали. Летом 1680 года получены были известия, что калмыцкий тайша Аюка заключил мир с крымским ханом, отпустил 1000 человек своих улусников в Крым и две тысячи отправил под русские украинные города, извещали, что Аюка хочет помириться и с уфимскими башкирами, чтоб вместе с ними ходить войною под козачьи городки, под Самару и другие украинные города. В июле месяце больше трех тысяч татар, калмыков и черкес явились под Пензою, сожгли посад и ушли в степь. Башкиры также начали перевозиться за Волгу с луговой стороны на ногайскую. В 1681 году по Тоболу неслись слухи, что башкиры выехали все из улусов вооруженные, остались только те, которые сидеть на конях не могут.

В Южной Сибири продолжалась борьба с киргизами, которые осенью 1679 года опустошали Томский уезд, будучи подведены изменниками, государевыми ясачными людьми. Конные и пешие козаки выступили против разбойников, поразили их и отняли добычу, с потерей пяти человек своих. В то же время другая большая толпа киргизов приступила к Красноярску и к острожкам его уезда; крепостей взять им не удалось, но 16 деревень было сожжено; тубинцы соединились с киргизами; это озлобило красноярских детей боярских и козаков: они взяли тубинских аманатов, вывели за город и расстреляли в виду их родичей. Узнавши об этом, государь велел красноярского воеводу Загряжского посадить в тюрьму на день: зачем выдал аманатов служилым людям, а служилым людям велел сказать: "Довелись из них лучшие люди за ту вину, что аманатов расстреляли, смертной казни; но для нынешней их службы и разорения мы ту вину велели им отдать; и они бы, видя нашу такую премногую милость, нам служили и у тубинских князцов аманатов взяли добрых родов".

На севере самоеды не хотели платить ясака; когда летом 1679 года ясачные сборщики приехали в старый мангазейский город, то к ним явился самоедский князец Ныла и бросил на землю ясак - 76 песцов, тогда как прежде платили соболями и бобрами. "Давайте ясак по-прежнему", - сказали ему сборщики. В ответ Ныла крикнул своим родичам: "Промышляйте над ними!" Самоеды бросились с ножами на сборщиков, но те оттолкнули их, схватили Нылу и убили; родичи его бежали из города, но, собравшись с силами, начали приступать к нему; русские отбивались от них три дня и три ночи; осажденных выручили двое самоедских же князьков, которые ударили на своих и отбили их от города. Другие самоеды осаждали Обдорский городок и свирепствовали против своих, не хотевших действовать заодно с ними против русских.

На востоке поднимались то якуты, то тунгусы. Из Верхневилуйского зимовья ясачный сборщик дал знать якутскому воеводе, что разных родов ясачные тунгусы стояли с месяц около зимовья, хотели побить козаков и зимовье взять. Еще осенью 1675 года якуты убили несколько русских промышленников, и заводчиком оказался родоначальник Балтуга, якут Яркканской волости. К нему отправлены были для *разговору* двое козаков да несколько мирных якутов; но один из козаков был убит самым варварским образом. Якутский воевода послал на Балтугу отряд из русских и мирных якутов. После долгих переговоров Балтуга прислал аманатов, двоих детей - сына и племянника своего, и объявил, что сам придет, когда захочет; если же русские люди и якуты пойдут на него войною, то он всех побьет и станет драться до последнего ребенка, а живой русским людям не дастся; мирных якутов уговаривал, чтоб они к русским не приставали и на него войною не ходили, если же пойдут, то он и их побьет вместе с русскими. Но смелость не была в уровень с силами. Якутский патриот принужден был бежать перед врагами его свободы и, раненый, был схвачен и привезен в Якутск. Туда же привезли изуродованный труп козака, убитого якутами. Это зрелище взволновало якутских служилых людей, и они подали челобитную: "Посылают нас на твои, великого государя, службы и для ясачного сбора, и в посылки за изменниками в походы ходим; и твои изменники, ясачные и неясачные иноземцы, нас побивают до смерти и надругательство чинят многое, груди вспарывают, сердце вынимают, руки отсекают, глаза выкалывают. Божию милостию изменника Балтугу с родниками поймали в бою, и на поимке он многих служилых людей переранил. Милосердый государь! Вели своему воеводе тем изменникам по Соборному Уложению указ учинить". Брат убитого козака не вытерпел, подошел к раненому и связанному брату Балтуги и проколол его копьем до смерти. Воевода приговорил бить его кнутом на козле: не бей самовольством пойманных и связанных! Градские всех чинов люди упростили вместо кнута бить батогами: но служилые люди оскорбились, что их братью наказывают за изменников, и подали другую челобитную: "Хотим мы промышлять по великой реке Лене и по Витиму и по иным сторонним рекам, с наших промыслов в твою великого государя казну собирается со всякого зверя десятая и с отпуску денежная казна; а теперь иноземцы якуты и тунгусы нас, сирот твоих, грабят, огнем жгут и убивают вместо свиней, разорили нас вконец и промыслы все остановили, а мы от них обороняться не смеем, боясь от тебя казни, и нам впредь на промыслы ходить никак нельзя, а твоей казне в том учинится недобор и поруха великая". Воевода, выслушав челобитные служилых людей, приискал в Соборном Уложении главу об изменниках, нашел, что их должно казнить смертью, и послал за указом в Москву. Здесь было принято искони - приводить иноземцев под государеву высокую руку ласкою, а не жесточью; притом здесь хорошо знали, что служилые люди часто сами выводят из терпения иноземцев, и потому пришел указ: великий государь Балтугу в вине простил для своего многолетнего здоровья и для поминовения отца своего, смертью казнить не велено, велено бить кнутом

на козле нещадно и дать на поруки. Но в следующем же году поруки 20 человек ясачных якутов подали челобитную, что Балтуга с родичами свою братью якутов бьет грабит, насильства всякие чинит и ясака не платит.

Несмотря на появление здесь и там сильных духом родоначальников между дикарями, им не сладить было с русскими людьми, роды были слишком ничтожны, разбросаны на огромных пространствах и враждебны друг другу; вспыхнет восстание, для его подавления пойдут русские люди, их ничтожное число, человек пятнадцать, но с ними толпа покорных туземцев, которые идут усмирять своих; осадят дикари в острожке русских людей: на выручку к последним спешат другие дикари. Подчинение обширных пространств Северной Азии не могло быть, следовательно, трудно для русских; туземцы жили при таких формах быта, при которых племена бывают не слишком щекотливы при наложении на них дани сильнейшим; предки покорителей Сибири были посильнее природою якутов, тунгусов и бурят, однако и они в IX веке, живя в таком же разъединении по родам, платили дань первому, кто с них ее требовал с оружием в руках; поднимались только тогда, когда какой-нибудь Игорь хотел брать двойную дань, как волк, повадившийся к овцам. К несчастью, таких Игорей было много в Сибири в описываемое время, и они-то своими волчьими замашками замедляли подчинение туземцев, поднимали восстания, заводили кровь, по старинному выражению.

Осенью 1677 года на Ураке ясачные тунгусы перебили козаков, шедших из Якутска в Охотск, взяли пушку, ручное оружие, товарную казну и отпустили в Охотск пленную козачью жену, наказавши ей: "Поди скажи приказному Петру Ярыжкину, что мы перебили козаков за налоги и обиды ясачного сборщика Юрия Крыжановского: брал с нас соболи добрые и рыси и олени, с человека соболя по четыре и по пяти, и малых ребят у нас всех выискал и велел за них приносить по соболю; брал у нас соболей и оленей силою и плевал нам в глаза: что-де мне мало носите, то выручу!"

Но тунгусы не ограничились этою местию. Заводчиком мятежа был уже знакомый нам Зелемей, он распустил слух между своими, что в Якутске все козаки умерли, осталось только двое живых, послать в Охотск некого, и потому время над ним промышлять. По этой Зелемеевой сказке собралось тунгусов человек с 1000 и осадили Охотск. Ярыжкин послал толмача перекликаться с Зелемеем: "Что вас много очень пришло и кругом вы острога обошли? Ступай в Охотск и с приказным человеком переговори, не опасаясь ничего!" "В острог нейдю, - отвечал Зелемей, - ясаку у нас нет, а зачем мы пришли, увидите сами". Тунгусы пошли валом на приступ. Крыжановский не успел уйти в острог. Тунгусы осадили его в его доме, у избы окно выломали, под стену огня наклали, засели в козачьих домах, находившихся за острогом, и начали стрелять в острог из-за дворов, стрелы полетели на острог со всех сторон, точно комары. Между тем Крыжановский вопил о помощи, Ярыжкин сделал вылазку и выручил его, отогнал тунгусов от Охотска. Приступ не повторился. Началось дело о

Крыжановском (пленном поляке, брата его звали Казимиром - происхождение ясно!). На него показали, что он приправочные и ясачные книги держал у себя на дому, ночью приезжали к нему тунгусы прежде ясачного платежа, он отбирал у них лучшие соболи себе, а в казну плохие, брал у иноземцев жен и детей на блудное дело. Попался и Ярыжкин в казнокрадстве и насилиях своим и чужим. Обоих велено бить кнутом нещадно, сослать в даурские острожки и ни к каким делам не определять. Но преемник их в Охотске Данило Бибииков не задумался пойти по их следам: вешал тунгусов, бил кнутом, резал уши и носы, приказывал тунгусам при платеже ясака лучшие соболи прятать в пазуху и под полу и потом отдавать ему. Бибииков не дождался наказания из Москвы: его на дороге из Охотска в Якутск подстерегли тунгусы в 1680 году и убили вместе со всем отрядом русских людей.

В Нерчинске на приказного человека Шульгина поднялись не туземцы, но русские служилые люди: Шульгин за взятки выпускал бурятских аманатов, которые потом изменяли, уходили в Монголию; но жен аманатских не выпускал: они были ему надобны; подучал одних бурят отгонять табуны у других и делился добычею с хищниками; скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть было нечего по дороговизне хлеба, питались травюю и кореньями; бил служилых людей кнутом и батогами, велел брать в руку батоги по пяти и по шести. Служилые люди вышли из терпения, послали челобитчиков в Москву; но до Москвы далеко, когда-то придет указ? И, в ожидании указа, служилые люди распорядились сами: отказали Шульгину от съезжей избы и выбрали к государеву делу одного сына боярского да десятника козачья.

При тяжелой и опасной войне с турками, при волнениях степных варваров, при несовершеннолетнем и больном царе, при смуте во дворце московское правительство волею-неволею, как могло, должно было заниматься важными вопросами внутренними, потому что время не терпело. В самом начале царствования Феодора опять поднялся старый вопрос, отцовский и дедовский, вопрос о торговле иностранцев в России и через Россию. Мы видели, что при царе Алексее заключен был договор с компаниею персидских армян, которые обязались доставлять в Россию весь шелк, добываемый в Персии. Но армяне не исполнили обязательства; а между тем голландский посланник фан-Кленк сделал предложение, чтоб позволено было голландцам торговать с персиянами в России и пропускать персиян через Россию с шелком-сырцом в Голландию. По обычаю, позвали гостей перед бояр, читали им договорные грамоты с армянами, переводы с писем фан-Кленка и спрашивали: как тому шелковому промыслу против посольских писем впредь состояться? Гости отвечали: "Персияне и армяне своего договора не исполнили, всего своего шелка в Российское государство не привезли, но прежними путями весь лучший шелк и теперь отпускают, поэтому прибыли от шелкового промысла нечего надеяться. Если голландский посол просит, чтоб голландцам торговать с персиянами в Российском государстве и пропускать персиян через Россию в

Голландскую землю, обещая от того Российскому государству в торгах многое процветание, то должно ему вместо цвета явить самый плод и договор теперь же заключить, чтоб шелк-сырец, сколько его ни будет привезено из Персии, принимать голландцам у Архангельска из казны великого государя и у купецких людей по уговорной цене, против того, как у них, голландцев, и других иноземцев заключен договор насчет того шелка, что идет из Персии через Турцию. А если договора заключить не захочет, то ясно, что никакой он прибыли Российскому государству не желает, только умышляет оставить в Российском государстве тех прибылей цвет, а плоды этих цветов хочет привлечь в свою землю и российским купецким людям убыток сделать, потому что будут голландцы торговать с персиянами между собою - прибыль между ними и останется. Можно так сделать: пусть русские люди и голландцы торгуют в России с персиянами и армянами вместе два года, и если в эти два года государевой казне порухи, а купецким русским людям утеснения не объявятся, то и вперед этому торгу быть прочну; но и это опасно: голландцы нарочно в два года никакого притеснения нам не сделают, чтоб договор подтвердили, а как подтвердят, тут они нас всех от торгу отлучат и завладеют одни так, как в Восточной Индии завладели золотою и серебряною рудами и всякими другими промыслами, отчего и теперь великое богатство себе приобретают, а тамошних жителей привели до скудости. Лучше всего оставить прежний второй договор с армянами, чтоб они торговали шелком с русскими купецкими людьми повольною ценою, а чего у них русские люди не докупят, то принять в казну с уплатою из нее деньгами и товарами. Если же они и этого договора исполнять не захотят, то позволить им торговать в Архангельске с иностранцами. Хотя от этого русским купецким людям в торгах и будет какая помешка, однако все не так, как если позволить иностранцам торговать между собою во всем Российском государстве или отпускать их чрез Российское государство за море". Тогда же царь, поговоря с патриархом, указал боярам и бояре приговорили - подтвердить постановление царя Алексея, состоявшееся в 1647 году, чтоб греки торговали только в Путивле, причем выставлены и причины, побудившие к этому: сначала приезжали из *Палестин* греческие власти, привозили с собою многоцелебные мощи и чудотворные иконы, а их братья, торговые греки, приезжали самые знатные люди и привозили с собою дорогие товары самые добрые; а теперь духовного чина никто не приезжает, начали приезжать греки самые незначительные и не для прямого торга, у которых объявятся товары, и те худые, вместо алмазов и других дорогих камней подделанные стекла; да из них же многие начали воровать, товары провозить тайно, а иные подделывают заочно воровские кабалы, торгуют вином и табаком.

Замечательнейшие постановления царствования Феодорова относятся преимущественно к последним годам, когда царь возмужал и когда, по устранении Милославских, Языков, Лихачев и Голицын получили главное влияние. В 1679 и 1680 годах отменено членотсечение: "Которые воры объявятся в первой или в двух татбах, тех воров, пытав и учиня им

наказанье, ссылатъ в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь, ссылатъ с женами и детьми, которые дети будут трех лет и ниже, а которые больше трех лет, тех не ссылатъ". В 1677 году окопана была во Владимире на торговой площади крестьянка Жукова за то, что отсекла косою голову мужу своему; сутки пробыла она в земле, как владимирское духовенство подало челобитную, чтоб преступницу вынуть из земли и постричь в монастырь; государь велел исполнить челобитную. В 1682 году был такой же случай в Москве: две преступницы были окопаны в землю, и в земле обещались постричься и злых дел не творить: государь велел их выкопать и постричь. В 1680 году разосланы были во все города грамоты, чтоб в приказных избах и тюрьмах колодников никого, ни в каких делах многих дней не держали, решали бы их дела немедленно. В том же году издано было постановление: "Впредь тюремным сидельцам *власяного* с новоприводных людей, которые посажены будут на тюремный двор и за решетку, брать не велено". В 1681 году патриарх разослал память: "Если мужья от жен, а жены от мужей захотят постричься, то их не постригать; а если жена от мужа пострижется, то мужу ее другой жены не брать, также и женам после пострижения мужей замуж не выходить". В 1679 году били челом служилые люди, что родственницы их выданы замуж с вотчинами и мужья их бьют и мучат, приневоливают, чтоб они свои приданные вотчины продавали и закладывали своими именами: состоялся указ, чтоб мужья не продавали и не закладывали вотчин жен своих их именами.

В 1680 году отменена неприличная форма в челобитных: "чтоб государь пожаловал, умилосердился как бог"; вместо этого велено писать: "для приключившегося которого праздника и для его государского многолетнего здравия". В том же году издан патриарший указ: в приказах допрашивать духовных отцов только об изустных памятях и завещаниях, при них сделанных, а не о грехах кающихся.

Строгие меры, принятые при царе Алексее против раскола, мало помогали. В 1677 году узнали в Москве, что по Дону и речке Медведице в козачьих юртах завелись жить старцы и попы и всякие прихожие люди в пустынях, печатные книги, церковную службу и иконное письмо хулят, образам Божиим не поклоняются, много людей из донских городков к себе подговаривают и крестят в другой раз. Воевода Волынский, стоявший с войском на Дону, отправил стрелецкого сотника Григорова разведать о раскольниках. Григоров возвратился и донес, что на реке Медведице никакой пустыни не нашел, а был в пустыни Иевской на речке Чире, пониже козачьего городка Нижнего Чира: в этой пустыни строителем черный поп Иов да чернецов 20 человек, а бельцов человек с 30; служит Иов по старым книгам, а новоисправленные хулит, говорит, будто в них все изронено. Получивши это донесение, в Москве сделали допрос бывшему тогда здесь станичному атаману Панкратьеву: что за Иевская пустынь и где река Чир? Панкратьев отвечал, что Иевская пустынь в стороне, на день езды от города Чира, начали в этой пустыни люди жить

после разинского воровства, тому лет с пять; в войске про пустынь знают, что в ней живут мужчины и женщины, девки и ребята, но без указа государева войско над нею ничего делать не смеет, а если государь прикажет разорить, то сейчас разорят. Тому другой год, как пришел на Дон и поселился в пустыни в лесу на крымской стороне черный поп да два человека простых чернецов; эти простые чернецы с попом поссорились и, пришедши в Черкасск, донесли войску, что поп за великого государя бога не молит и им молить не велит. По этому извету атаман Михайло Самарин и все войско послали за попом и, приведя его в Черкасск, сожгли по войсковому праву, и в пустыни его теперь никто не живет. Волынскому послан был указ разорить воров и церковных противников и вперед нигде им в войске пристанища не дать, пущих заводчиков прислать в Москву, а остальных наказать по войсковому праву, чтоб вперед такие воры не множились и войску оттого присловья не было. В то же время из Сибири приходили вести, что в Тюмени сын калмыцкого толмача Никита Елизарьев говорил: "Которые церкви сгорели в Тобольске, и то были не церкви, костелы"; священников называл псами. Призванный к допросу раскольник объявил, что троеперстным проклятым сложением не крестится; отец молодого раскольника, толмач, пришел в приказную избу и объявил, что четвероконечный крест - антихристова печать. Обоих били кнутом нещадно и отдали на поруки. В Тюмени же в 1677 году в соборной церкви трое мужчин и одна монахиня во время херувимской закричали: "Православные христиане! Не кланяйтесь, несут мертвое тело и на просвирах печатают крестом, антихристовою печатью!" Крикунов взяли в приказную избу, где они объявили, что пришли на Тюмень истинной веры изыскивать; их били кнутом нещадно и посадили в земляную тюрьму. Монах Даниил в Тобольском уезде, на речке Березовке, завел пустынь, поставил часовню и кельи, пели вечерни, заутрени и часы, государя, царский дом, патриарха и сибирского митрополита не поминали, православных христиан называли еретиками; в этой же пустыни старицы и девки бились о землю и кричали, что видят пресвятую богородицу и небо отверсто, ангелы венцы держат тем людям, которые в той пустыни постригаются; слыша такую прелесть, многие всяких чинов люди, оставя дома, имение и скот, бегут в пустынь с женами и детьми и постригаются. Тобольский воевода, боярин Петр Васильевич Шереметев, послал отряд войска захватить Даниила, но войско вместо пустыни нашло только кучу пепла: Даниил с единомышленниками своими в избах сожглись ночью, а другие разбежались: пример Даниила подействовал. В Мехонской слободе крестьяне, драгуны и беломестные козаки, собравшись с женами и детьми во двор к драгуну Абрамову, наносили пеньки, соломы, смолы и бересты; слободской прикащик начал уговаривать их, чтоб отстали от своей прелести, и они было послушались; но дьячок Иван Федоров, распоп, своими речами уничтожил действие прикащиковых слов. В 1679 году в Исетском остроге крестьянин Бархатов, ходя по разным местам, проповедовал, что не должно ходить в церкви. Бархатова поймали; но брат его Гаврила с двадцатью товарищами отбили пойманного, уехали в

деревню Мостовку, заперлись во дворе и. объявили, что сожгутся. К ним поехал уговорить капитан Поляков, раскольники потребовали сроку, срок был им дан, и они в это время написали челобитную государю, написали, что заперлись, испугавшись приказных людей, потому что приказный человек перехватывал тех, которые засели в Мехонской слободе, и морил на морозе целый день, просил по полтине с человека, люди бедные, дать было нечего, он их распустил по домам, а жен и детей разогнал, и они руки и ноги познобили. "Ей-ей, великий государь, не знаем за собою никакого вымысла злого, но только держимся старого благочестия и никоновых новопечатных книг не принимаем, потому что те книги с прежними ни в чем не согласуются. Да еще нудят нас креститься тремя перстами, щепотью, да велют оставить истинный тричастный крест Христов. Если, государь, своего царского указа не пожалуешь нам и вперед приказным людям, закащикам и попам попустишь нас, бедных, разорять и к новоизложенной вере нудить, и мы к тебе пишем и плачем, что и не подумаем принять новой веры и новопечатных никоновых книг, на смертный час готовы, пострадать и в огне гореть, как у Данилы священноинюка пострадали; если не дадут нам собираться, то мы каждый в своем доме пострадаем, а от Христа не отстанем".

Такие вести приходили с Украины, из Сибири, с Дону; но вот и в самой Москве в 1681 году, в Крещенье, Герасим Шапочник бросил с Ивановской колокольни раскольничьи листы в народ; схваченный, оговорил Антона Хворого, а этот оговорил Осипа Сабельника, у которого в доме пели часы, пекли просвиры и после часов раздавали людям, которые ели и вменяли в святость.

В том же 1681 году собрался церковный собор. Царь возвестил ему о делах, которые требуют исправления: в начале к ограждению св. церкви, а потом на распространение христианам, во-первых, о прибавке вновь архиереев по городам вследствие умножения церковных противников и о других нуждах, требующих исправления. В первом царском предложении говорилось: каждому митрополиту иметь в своей епархии епископа, подвластного ему, а св. патриарху, отцам отцу, иметь многих епископов. Собор отвечал: великому государю бьют челом митрополиты и архиепископы, назначить вновь в пристойных местах, в дальних и многонародных городах, архиереев особыми епархиями, а не подвластных митрополитам, чтоб в архиерейском чине не было церковного разгласия, распри и высости, чтоб в таком нестроении не было св. церкви преобидения и от народа молвы и укоризны.

Во втором предложении говорилось: из многих городов пишут, что многие неразумные люди, оставя св. церковь, поделали в домах своих мольбища и, собравшись, совершают противное христианству, а на св. церковь износят страшные хулы. Собор в своем ответе молил государя отсылать этих раскольников к градскому суду.

Третье предложение: в Москве и во всех городах от предков государских устроены монастыри на тихое и безмолвное пристанище; на пропитание монахам даны многие села и деревни и всякое довольство, чтоб все имели пищу и одежду готовую и не помышляли бы ни о чем, кроме душевного спасения, а для престарелых и больных монахов устроены больницы. Но в монастырях теперь общего пребывания и больничного строения нет, а где и есть, оттуда монахи, не хотя быть в послушании, уходят в другие монастыри, этим монашеское крепкое житие упразднилось. Также бы и хмельного питья в монастырях отнюдь не держать. Собор отвечал: во всех монастырях запрещаем держать пьянственное питье; архимандритам, игуменам и строителям жить благочинно и братию к благочинию наставлять, особой пищи и питья не держать, в кельях своих с гостями особых трапез не поставлять, ходить всякий день за общую трапезу, а в кельях пищи и питья не держать. Кто из мирских людей приедет по обещанию помолиться, дать ему упокоение по монастырскому чину, пищу и питье, чем братия питаются, в гостинной келье и приставить искусного старца, кому за тем смотреть; особого питья про гостей отнюдь не держать и от них не принимать. Желających спасения мирских людей бедных принимать безвкладно с рассмотрением и постригать правильно, свободных и не беглых от законных жен и от господ. Одежду иметь настоятелям и братии общую, давать ее из монастырской казны, а денег настоятелям из казны отнюдь не брать и братии не давать. Престарелых и немощных старцев упокоивать в больнице, заботиться, чтоб не было им скудости в пище и питье. Из монастырей в монастыри монахам без повеления архиерейского не переходить, из монастырей их не отпускать, а непокорных и строптивых ослушников смирать по монастырскому чину; приходящих монахов без повеления архиерейского и без отпускных не принимать. Архимандритам и игуменам смотреть накрепко, чтоб священники из монастырей в домах мирских людей мужского и женского пола не постригали и при смерти. А которые чернецы в монастырях не живут в послушании и бесчинствуют по Москве и в городах, ходят по кабакам и корчмам и мирским домам, упиваются допьяна и валяются по улицам - на таких бесчинников Троицкого Сергиева монастыря власти должны возобновить бывший Пятницкий монастырь, огородить его стоячим высоким тыном и построить четыре кельи с сенями, в этот монастырь бесчинников из Москвы ссылать. Женского пола, которые бесчинно постриглись вне монастыря, в домах своих, и теперь ходят по мирским домам и садятся по улицам и переулкам, просят милостыни - для таких стариц каждый архиерей должен построить по монастырю на счет какого-нибудь мужского монастыря с вотчинами (потому что девичьих монастырей мало с вотчинами и прокормиться без вотчин в монастырях нечем) и выбрать к ним из женских монастырей стариц добрых, кому над ними начальствовать. По мужским монастырям для всякого строения и вотчинного управления мирских людей не посылать, посылать архиереям от духовного чина добрых и искусных людей. В девичьи монастыри, которые с вотчинами, указал бы великий государь послать дворян старых

добрых для управления вотчинами, чтоб старицам из монастырей по деревням не ездить и по мирским домам не жить; быть этим дворянам в послушании у архиереев, в духовное управление между старицами и церковными причетниками дворянину не вступаться и ни в чем не ведать. Мирским людям вдовых священников в домах своих не держать; а кому из великих людей нужен домовый священник, тот бьет челом архиерею, и архиерей благословляет священника не вдового. Вдовым попам и иеромонахам отнюдь не давать благословения в мирских домах жить и службы церковные совершать, потому что в нынешнее время многие попы и дьяконы живут бесчинно и упиваются безмерным пьянством и церковные тайны действуют пьяные.

По четвертому предложению царя собор постановил посвящать священников в зарубежные места по требованию православных жителей. По пятому предложению: так как в присяге за всякое нарушение долга службы церковь грозит страшною клятвою, вечною смертию, а между тем многие люди грешат, особенно во всяких казенных сборах, и тем убивают себя вечною смертию, то великий государь изволил бы тем людям наложить свой указ, прощение и страх по градским законам. На осьмое предложение: которые монастыри окружены близко мирскими домами, те перенести на другое приличное место.

Девятое предложение: по великого государя указу в Москве о нищих рассмотрение учинено и велено их разобрать, странных и больных держать в особом месте со всяким довольством от государевой казны: так чтоб патриарх и все архиереи приказали также в городах устроить пристанище нищим, а ленивые, здоровые пристали бы к работе. Собор отвечал: да будет так. Относительно этого рассмотрения о нищих, о котором здесь говорится, сохранилось известие, что при царе Феодоре велено было построить две богадельни: одну в Знаменском монастыре, а другую на Гранатном дворе за Никитскими воротами, чтоб вперед по улицам бродящих и лежащих нищих не было.

Предложение десятое: чтоб нищие в церквах, во время церковного пения, милостыни не просили и тем в церкви стоящим христианам мятежа не чинили. Собор согласился. По предложению одиннадцатому собор постановил, чтоб на церковных землях, которые отданы под кладбища, духовенство изб, лавок и амбаров не строило. По двенадцатому: запрещено во время храмовых праздников к монастырским и приходским церквам припускать со всякими харчами и питьем. Предложение тринадцатое: многие монахи и монахини, не хотя быть у наставников своих под послушанием, отходят из монастырей и селятся в лесах, мало-помалу прибирают к себе таких же непослушников и устрояют часовни, служат молебны, а потом бьют челом архиереям о грамотах на построение церквей на тех местах, которые называют пустынями, и в пустынях этих церковное пение отправляют не по исправным книгам, вследствие чего приходят к ним многие люди, селятся вблизи и считают их страдальцами: от этого

возрастает на св. церковь противление. Собор отвечал челобитьем, чтоб великий государь своих грамот о строении вновь пустынь отпускать не указал; они, архиереи, переведут эти пустыни в монастыри, а на их местах устроят приходские церкви. Предложение четырнадцатое: на Москве всяких чинов люди пишут в тетрадях и на листах и в столбцах выписки, будто бы из книг божественного писания, и продают у Спасских ворот и в других местах, и в этих письмах является многая ложь, а простолюдины, не ведая истинного писания, принимают за истину и в том согрешают, особенно же вырастает отсюда на св. церковь противление. Собор отвечал, что для искоренения этого пусть государь укажет приставить особого человека, а патриарх также изберет особого человека из духовных; виновных в распространении таких сочинений приводить в патриарший приказ и чинить смирение, а на помощь выборным людям давать стрельцов. По пятнадцатому предложению постановлено: кто станет приносить книги прежних печатей, тем выдавать новоисправленные книги даром.

В то время когда правительство хлопотало, чтоб св. церкви не было противления от раскола, пришли известия, что татарские мурзы, имея поместья и вотчины, населенные христианами, принуждают последних к магометанству. Поэтому в 1681 году издан был указ: об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, населенных христианами, а испоместить их иноверцами же, мордвою; если мурзы и татары крестятся, то оставить за ними прежних крестьян и давать им еще жалованье, да и мордве сказать, чтоб они крестились все, за что во всяких податях получают льготы нашесть лет. В феврале 1682 года подьячие и приставы ездили по татарским деревням и объявляли мурзам и татарам, их женам, вдовам, недорослям и девкам указ государев, чтоб они упрямство свое отложили, во св. веру греческого закона крестились и били челом государю о поместьях своих и вотчинах до 25 февраля; а которые до этого срока не крестятся и челобитен о поместьях и вотчинах не подадут, у тех поместья и вотчины и всякие угоды будут отняты и розданы тем мурзам и татарам, которые крестились уже и крестятся до 25 февраля.

Касательно областного управления - в 1679 году отменены были горододельцы, сыщики, губные старосты, ямские прикащики, осадные, пушкарские, засечные и житничные головы и присылавшиеся из Москвы сборщики; все их дела велено ведать воеводам, чтоб вперед градским и уездным людям в кормах лишней тягости не было. В следующем году нашли неудобным постановление царя Алексея о переносе дел из одного города в другой по подозрению на воеводу и отменили его. На первом плане по-прежнему стояли денежные сборы: ни одного года города и уезды не выплатили денег за стрелецкий хлеб, по 2 рубля с четверти пашни, отговариваясь *пустотою*. В 1679 году бояре приговорили вместо стрелецких денег, данных, полоняничных, четвертных, ямских, пищальных, малых ямщин и других мелких денежных доходов положить новый оклад, который должен идти на жалованье стрельцам. Но и тут на

первый же год явились недоимки, воеводы пишут, что посадские люди и уездные крестьяне стоят на правеже, но и с правежа денег не платят за скудостью, за хлебным неурожаем, за разными неокладными доходами, за десятою и пятнадцатою деньгою, сбиравшимися вследствие турецкой войны, и бредут врознь в сибирские города. Велено прислать выборных в Москву и расспросить, отчего не платят. Выборные приехали и объявили, что платить никак нельзя сполна. Вследствие этого в 1681 году решено брать стрелецкие деньги по новому окладу, перед прежним с убавкою. Эти стрелецкие деньги должны были собирать земские старосты с товарищами и высылать в Москву с целовальниками. Но вопрос не считали решенным, хотели принять какую-нибудь общую, решительную меру, и, чтоб взяться за дело получше, разузнать его пообстоятельнее, в декабре 1681 года вызвали в Москву выборных со всего государства, по два человека от каждого города, которые должны были привезти с собою окладные книги, чтобы узнать, сколько в городах и волостях лучших, средней статьи и младших людей и по сколько человек в год бывает во всяких службах и податях. В том же 1681 году запрещено было по всей России отдавать на откуп таможи и кружечные двory, велено им быть *на вере*.

Молодой царь как будто торопился важными мерами, предчувствуя близкую кончину. В то время как готовились к финансовому преобразованию, князь Вас. Вас. Голицын с выборными из разных чинов служилыми людьми, по царскому поручению, рассуждали о необходимых ратных преобразованиях. Но понятно, что с первою мыслию о серьезном войсковом преобразовании необходимо соединялась мысль об уничтожении местничества. Давно уже неудачные войны заставили признать несостоятельность русского войска и думать о преобразованиях: выписали иностранных офицеров и начали составлять русские полки с новым строем, с новыми названиями; но сейчас же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхом рубище мало помогает. Какого, в самом деле, успеха можно было ожидать на войне при таких условиях: назначат главного воеводу, наиболее способного; к нему товарищей, также способных, и сейчас же пойдут челобитья, что товарищам нельзя быть вместе с воеводою: надобно или отставить главного воеводу и на его место назначить неспособного, но старого боярина, отецкого сына, с которым вместе быть можно, или отставить товарищей, опять людей способных заменить неспособными, но такими, которым можно быть с главным воеводою. Единственный выход, к которому правительство начало прибегать со времен Грозного, - это объявление перед походом "быть без мест", объявление, что сделанные для этого похода назначения не будут принимаемы в расчет при местнических столкновениях. При царях Михаиле и Алексее почти все походы были уже без мест, что необходимо приучало к мысли, что рано или поздно указ "быть *всегда* без мест" заменит повторение указа "быть без мест" перед каждым походом. Неизбежное распространение нового строя и на старые дворянские полки было естественным побуждением к изданию такого указа.

И турецкая война была ведена и кончилась не так, как бы хотелось; государство содержало более 150000 одного великороссийского войска, но тягость этого содержания не выкупалась успехом. Мысль о войсковых преобразованиях поэтому необходимо должна была усилиться. Виднее всех бояр, доступнее всех новому по своей образованности и между тем членом одного из самых знатных родов был князь Вас. Вас. Голицын. Ему-то государь указал ведать ратные дела для лучшего своих ратей устройства и управления: и с ним у того дела быть выборным стольникам и генералам, стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, стряпчим, дворянам, жильцам, городовым дворянам и детям боярским. Эта, по-нашему, *комиссия* назначалась для того: "Ведомо великому государю учинилось, что в мимошедших воинских бранях, будучи на боях с государевыми ратными людьми, неприятели показали новые в ратных делах вымыслы, которыми желали чинить поиски над государевыми ратными людьми; для этих-то новомышленных неприятельских хитростей надобно сделать в государских ратях рассмотрение и лучшее устройство, чтоб иметь им в воинские времена против неприятелей пристойную осторожность и охранение и чтоб прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее, а которые и прежнего устройства дела на боях с неприятелями имеются пристойны, и тем быть без перемены".

Выборные указали на военное устройство, которое, по их мнению, будет прибыльнее, а именно: расписать служилых людей по ротам, в ротмистры и поручики назначать из стольников, стряпчих, дворян и жильцов, изо всех родов и чинов с головы без перемены, чтоб были между собою без мест и без подбора, в каком чине великий государь быть укажет. Государь согласился, составлены были списки ротмистрам и поручикам, но при этом выборные объявили: "По государеву указу они, выборные люди, братья их, дети и сродники написаны в ротмистры и поручики; а Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Шеиных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских, Ромодановских и других родов в те чины никого теперь не написано, потому что за малыми летами в чины они не приказаны: так опасаются они, выборные люди, чтоб после от тех вышеписанных и от других родов не было им и родам их укоризны и попреку. И для совершенной в ратных, посольских и всяких делах прибыли и лучшего устройства указал бы великий государь всем боярам, окольниковым, думным и ближним людям и всем чинам быть на Москве в приказах и полках у ратных, посольских и всяких дел и в городах между собою без мест, где кому великий государь укажет, и вперед никому ни с кем разрядом и местами не считаться, разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы вперед от тех случаев в ратных и всяких делах помешки не было".

Голицын доложил государю об этом челобитье выборных людей. 12 января 1682 года Феодор назначил чрезвычайное *сиденье* с боярами, к которому были приглашены патриарх, архиереи и выборные начальники монастырей. Заседание открылось чтением челобитья выборных людей;

когда чтение окончилось, начал говорить царь: он распространился о своих обязанностях следовать во всем закону и примеру Христа, заповедующего любовь, потом перешел к делу: "Злокозненный плевосеятель и супостат, общий дьявол, видя от такого славного ратоборства христианским народам тишину и мирное устроение, а неприятелем христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобивые сердца славных ратоборцев местные случаи, от которых в прежние времена в ратных, посольских и всяких делах происходила великая пагуба, а ратным людям от неприятелей великое умаление. Наша царская держава, рассматривая, как вредит это местничество благословенной любви, как искореняет мир и братское соединение, над неприятелем общий и пристойный промысл, разрушает усердие, особенно же как мерзко и ненавистно оно всевидящему оку, желаем, да божественный его промысл, мира и благоустроения виновник, своим всеильным повелением оное разрушающее любовь местничество разрушить изволит и от такового злокозньства разрозненные сердца в мирную и благословенную любовь соединить благоволит". Далее государь привел примеры деда своего и отца, которые уже заботились об искоренении местничества, упомянул и о собственных стараниях уничтожить зло и заключил вопросом: "По нынешнему ли выборных людей челобитью всем разрядам и чинам быть без мест или по-прежнему быть с местами?"

На этот вопрос отвечал патриарх сильною выходкою против местничества, от которого, "аки от источника горчайшего, вся злая и богу зело мерзкая и всем вашим царственным делам ко вредительному происходило, и благое начинание, яко возрастную пшеницу терние, подавляло и до благополучного совершения к восприятию плодов благих не допускало, и не чю род, егда со иным родом за оное местничество многовременные злобы имел, но и в едином роде таковое ж враждование и ненависть содевались; и аще бы о всех тех противных случаях донести вашему царскому величеству, тоб от тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Аз же и со всем освященным собором не имеем никоея достойные похвалы принести великому вашему царскому намерению за премудрое ваше царское благоволение".

Царь обратился с вопросом к боярам, окольным и думным людям; те отвечали, "чтоб великий государь указал учинить по прошению св. патриарха и архиереев, и всем им во всяких чинах быть без мест для того, что в прошлые годы во многих ратных, посольских и всяких делах чинились от тех случаев великие пакости, нестроения, разрушения, неприятелям радования, а между ними богопротивное дело - великие продолжительные вражды". После этого ответа государь велел принести разрядные книги и сказал: "Для совершенного искоренения и вечного забвения все эти просьбы о случаях и записки о местах изволяет предать огню, чтоб злоба эта совершенно погибла и вперед не поминалась и соблазна бы и претыкания никто никакого не имел. У кого есть разрядные книги и записки, тот пусть присылает их в разряд, мы все их повелим

предать огню. И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольным и думным и ближним и всяких чинов людям на Москве в приказах и у расправных и в полках у ратных и у посольских и всегда у всяких дел быть всем между собою без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться и никого не укорять и никому ни над кем прежними находками не возноситься". На это все присутствующие отвечали: "Да погибнет во огни оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не вспомнется вовеки!"

В передних дворцовых сенях разложили огонь, и разрядные книги запылали. Когда государю дали знать, что книги сожжены, то патриарх, обратясь к светским членам думы, сказал: "Начатое и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному делу воспрекословит каким-нибудь образом, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева, как преобидник царского повеления и презиратель нашего благословения". Все присутствующие отвечали: "Да будет так!" Государь с радостным лицом стал хвалить их за это и объявил, что им и потомству их на память велит в Разряде держать родословную книгу и в домах своих такие родословные книги могут они держать по-прежнему. В награду им он велит эту родословную книгу пополнить недостающими в ней именами, для чего велит взять у них росписи за руками. Которые княжеские и иные честные роды при предках его государевых и при нем были в честях, боярах, окольных и думных людях, также и старые роды, которые хотя и не явились в честях, но с царствования Иоанна Васильевича и при его державе явились в посольствах, полках и городах воеводами и в иных знатных посылках и у него, великого государя, в близости, а в родословной книге имен их не написано, и те роды с явным свидетельством написать теперь в особую книгу. А которые роды в вышенисаных честях и в знатных посылках не были, а с царствования Михаила Феодоровича и при нем, государе, были в полковых воеводах, и в послах, и в посланниках, и в знатных каких-нибудь посылках, и в иных честных чинах и в десятнях (в войсковых списках) в первой статье написаны, и тех родов имена также написать в особую книгу со свидетельством. А которые в тех вышеписанных честных и знатных чинах не были, а в десятнях написаны в средней и в меньшей статьях. и тех имена написать в особую книгу. А кто из нижних чинов за службы отцов своих или за свои написаны в московские чины. и тех имена написать в особую же книгу по их росписям, и быть всем во всех чинах без мест.

Быть может, некоторые спросят: как же это вдруг сделалось? Легко, без всякого сопротивления отменен вековой обычай, отменен без малейшего сопротивления со стороны тех людей, которые шли в тюрьму и под кнут, отстаивая родовую честь? Отменен не железною волею Петра, но волею слабого, умирающего Феодора? На этот вопрос ответим вопросом же: что можно было возразить на слова царя и патриарха, порицавших местничество? Что можно было привести в защиту этого обычая? Всякий, *при случае*, считал своею обязанностью отстаивать родовую честь,

идти для этого в тюрьму и под кнут, но при случае, когда он знал, что следствием этого случая будет бесчестье, позор и укоризны; так и в последнем случае служилых людей расписали по-новому в разные войсковые должности, и они бьют челом, что члены других родов в эти должности не назначены, так не было бы им от них после бесчестья и лучше всего уничтожить места. Все восставали *при случае*, но за местничество вообще, как за что-то полезное и нравственное, никому восстать было нельзя. Восстали с непреодолимым упорством за старые книги, но потому, что по ним молились отцы и деды, но ним спасались святые угодники, и потому, что авторитет нововводителей был заподозрен; но нельзя было отстаивать местничество за то только, что предки из-за него вовлекались в богоненавистное, дьявольское дело, во вражду. Но если так, если местничество само в себе ни в чьих глазах не могло иметь никакого оправдания, то почему же его не уничтожили гораздо прежде? На это отвечать легко: для всего в истории есть свое время. Вековой, окрепший обычай, коренившийся в господствующей форме частного союза, форме родовой, должен был существовать до тех пор, пока не столкнулся с новою высшею государственною и народною потребностью, войсковым преобразованием, пока это столкновение не выказало вреда его очевидным для всех образом. Местничество могло быть уничтожено только в то время, когда общество заколебалось, тронулось, повернуло на новую дорогу, причем корни всех вековых обычаев необходимо должны были расшататься, и вырвать их стало уже легко. Деду и отцу Голицына, конечно, не приходило в голову, что внук и сын их доложит царю челобитье служилых людей об уничтожении местничества. Местничество зашаталось и рушилось вследствие общего колебания всего древнего строя, вследствие поворота к чужому, западному - это очевидно; восколько уничтожению местничества содействовало ослабление родového союза - этого подметить нельзя: ясно обратное действие: уничтожение местничества нанесло сильный удар родovому союзу в верхних слоях, удар, равный тому, какой в низших слоях нанесен был родovому союзу подушным окладом.

В подобные эпохи, какую мы теперь описываем, такое важное дело, как уничтожение местничества, не могло стоять одиноко. Отстранивши местничество как препятствие лучшему устройению рати, успехам ее против неприятелей, собственно для той же цели должны были прийти к мысли, как бы покончить с отжившим дружинным началом. До сих пор служилое сословие, несмотря на разные перемены в его судьбе, в отношениях его к государю и земле, сохраняло еще основной характер дружины, войска. Боярин, окольный, думный дворянин, спальник, стольник, стряпчий и т. д. были ратные люди, которые могли по временам занимать гражданские должности, имея в виду преимущественно кормление, но при первом требовании садились на коня и спешили в войско. Легко понять, как сильно выставилась невыгода такого порядка вещей при возбуждении вопроса о войсковом преобразовании, о необходимости постоянного войска, постоянных воевод. Но если одни из знатных лиц, наиболее к тому

способные, должны быть постоянно воеводами, то очевидно, что другие, по этому самому, должны будут постоянно занимать гражданские должности. И вот при том же государе, при котором уничтожено местничество, составлен был проект об отделении высших гражданских чинов и должностей от военных - знак, что Россия начала уже выдвигаться из числа государств с первоначальной, простою формациею. По этому проекту о чинах первую степень занимает сановник гражданский - боярин, предстатель и рассматритель над всеми судиями царствующего града Москвы, который вместе с двенадцатью заседателями из бояр и думных людей должен постоянно пребывать в устроенной к тому палате и ведать, чтобы всякий судья исполнял царского величества повеление и гражданский суд правильно и рассудительно. Вторую степень занимает сановник военный - боярин и дворовый воевода, который во время похода должен быть при государе, охранять последнего, но, кроме того, промышлять о всяких воинских околичностях, т. е. о смете ратям, устройении и приготовлении оружия и всяких, хлебных и военных запасов. Третью степень занимает опять сановник гражданский - боярин и наместник владимирский, имеющий первое место между наместниками, заседающими в совете государственных дел. Четвертую степень занимает военный сановник - боярин и воевода Севского разряда, имеющий постоянное пребывание в Севске: он оберегает польскую (степную) Украину, имеет у себя многих воевод и ратных людей всегда в готовности к отпору неприятеля. Пятая степень - боярин и наместник новгородский: занимает второе место между титулярными наместниками в государственном совете. Шестая степень - боярин и воевода Владимирского разряда: всегда пребывает во Владимире, устраивает рати конные и пешие, всегда пребывает во всяком воинском приуготовлении и, получив государское повеление, идет против неприятеля со своим разрядом куда потребуется. Седьмая степень - боярин и наместник казанский и т. д. Сохранилось любопытное известие, почему этот проект не был приведен в исполнение: "Советовали государю палатные бояре, чтоб в его царской державе, в Великом Новгороде, в Казани, в Астрахани, в Сибири и других местах, быть царским наместникам, великородным бояром, вечно и титла им тех царств иметь. Также и митрополитам писаться: митрополит новгородский и всего Помория, казанский и всего Казанского царства. И на сие дело государь изволил, и тому всему, где кому быть, тетрадь за пометою думного дьяка к св. патриарху прислана, чтоб он на то дело дал благословение и в исполнении его помогал. Иоаким патриарх еще и многую трудность имел от желающих этого палатских подустителей, но никак не допустил и возбранил всеконечно это делать, для того чтоб учиненные вечные наместники, великородные люди, по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей самодержавством, не отступили и единовластия не разорили".

Наконец в последнее время царствования Феодорова составлен был проект высшего училища или академии. При той потребности учиться, которую так живо чувствовали в XVII веке лучшие русские люди, наверху стоящие,

следовательно, самые влиятельные, можно только удивляться сначала, почему этот проект явился так поздно и почему давно не был приведен в исполнение. Но удивлению не будет места, когда зададим себе вопрос: откуда было взять учителей, когда вспомним, какие были следствия призвания чужих учителей в Москву в царствование Алексея? Надобно было ожидать, что постараются устранить затруднения в царствование образованного Феодора, ученика Симеона Полоцкого; но в первые годы этого царствования было не до школ по малолетству царя, по придворным отношениям и вследствие тяжелой турецкой войны, поглощавшей все внимание. Но когда вздохнули свободнее при открывшихся мирных переговорах с Крымом и Турцией, тогда пошла сильная внутренняя деятельность, стали думать и об академии. Говорят, что возвращение с Востока монаха Тимофея, сильно тронувшего царя рассказом о бедствиях греческой церкви и о печальном состоянии в ней пауки, столь необходимой для поддержки православия, было поводом к устройству небольшого училища для 30 учеников при типографии: Тимофей был сделан его начальником, отыскиали в Москве двух греков, которые могли учить своему языку. Но этим училищем не хотели довольствоваться, думали об академии, послали к вселенским патриархам просить учителей, испытанных в православии, а между тем заготовили грамоту царскую, или привилегию, очень важную для нас потому, что здесь объясняется характер желаемого учреждения и с тем вместе объясняется положение тогдашнего русского общества, преимущественно русской церкви, в отношении к призываемой науке.

В начале грамоты царь говорит, что он, вступив на престол юношею, подобно Соломону, ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице и всяких благ изобретательнице и совершительнице, с которою все блага от бога людям даруются. Как Соломон устроил семь училищ, так и он, царь Феодор, подражая Соломону и древним греческим царям благочестивым, намерен устроить в Заиконоспасском монастыре храмы чином академии "и в оных семена мудрости, т. е. науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и правной, даже до богословии, учащей вещей божественных и совести очищения, постановить. При том же и учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам, ими же целость академии, сиречь училищ, составляется быти".

На содержание блюстителя этой академии и учителей даны монастыри: Спаса в Китае-городе близ Неглинных ворот (Заиконоспасский); Иоанна Богослова в уезде Переяславля Рязанского, ибо Иоанн Богослов почерпнул мудрость небесную от источника премудрости; Андреевский на Москве-реке, ибо этот монастырь основан Ртищевым для ученого братства; монастырь Данилов, также на Москве-реке, для пребывания приходящим из-за границы ученым людям и еще четыре монастыря со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями; кроме того,

царь от себя дал Вышегородскую дворцовую волость и десять пустошей в разных местах. Позволено всякому частному лицу жертвовать на пищу и одежду ученикам. Блюстителю и учителя должны быть благочестивые и от благочестивых родителей рожденные и воспитанные в православной восточной вере российского и греческого народа, но из греков могут быть допущены только те, которые принесут от вселенских патриархов достоверное свипетельство о крепком утверждении своем в восточной вере, кроме того, и в России они будут крепко в вере свидетельствованы, дабы кто-нибудь из них не сделал того же, что некогда сделал еретик Исидор, российский митрополит. Новообращенные из римской веры, также из лютерской, кальвинской и других ересей не допускаются в блюстителю и учителя, потому что они привыкли злохитростным образом тайно ереси свои мало-помалу в учеников вкоренять. Приедут из Литвы, Малороссии и других стран ученые люди и станут искать места блюстительского или учительского, выставя свое благочестие, то словам их не верить без свидетельства достоверных благочестивых людей и не ставить их в блюстителю и учителя, если бы даже кто из них и на письме правду веры нашей восточной утверждал, а неправды римлян, лютеров и кальвин обличал и укорял: потому что прелестники сначала притворяются совершенно благочестивыми и по благочестию ревнителями крепкими, а потом мало-помалу развратные слова всевают и непорочную целостность веры нашей терзать начинают. Блюстителю и учителя должны целовать крест, что будут крепко и нерушимо содержать православную веру, охранять и защищать ее от всяких других вер и ересей. В случае нарушения клятвы будут наказаны по вине и лишены чина своего учительского, а за хулу на православную веру будут сожжены без всякого милосердия; если и покается, будет наказан и лишен чина учительского. В академию допускаются люди всех сословий и возрастов. Преподавание обнимает все не запрещенные церковью науки; особенно запрещена магия естественная, и учителей подобной науки вместе с учениками сжигать. Никто не смеет держать домашних учителей иностранных языков, но пусть, если хочет, посылает детей своих в академию, в единое общее училище, ибо от домашних учителей, особенно иностранных и иноверных, могут быть принесены противность нашей вере и разногласие. Если на учениках академии объявятся долги или иные какие вины, кроме убийственных и других великих дел, то их нельзя подвергать суду до тех пор, пока не выйдут из училища, чтоб не препятствовать науке. Судят их блюститель с учителями; в случаях уголовных их берут на суд общий, но не без ведома блюстителя. Если блюститель сам будет заподозрен в каком-нибудь преступлении, то судится учителями, учитель судится блюстителем и учителями. Учителю не могут быть принимаемы ни в какую другую службу без ведома блюстителя и учителей; за долговременную и ревностную службу учителя получают пенсии. Если некоторые люботрудные отроки сего драгоценнейшего сокровища, т. е. мудрости по грамматической хитрости и прочих наук свободных, как из недр земных золота, из различных диалектов писаний, особенно же словенского, эллино-

греческого, польского и латинского, будут стараться изыскивать прилежно, то им за их в науках успехи, засвидетельствованные блюстителеми учителями, от великого государя будет достойное мздовоздаяние; а по окончании свободных учений будут пожалованы в приличные разуму их чины и получают за мудрость свою особенное царское щедрое милосердие. Не научившихся свободным наукам в государские чины, в стольники, стряпчие и другие, не допускать никого, кроме благородных; из неблагородных допускаются в эти чины только за учение и за явные на войне и в других государственных делах заслуги. Все ученые иностранцы, приезжающие в Россию, подвергаются испытанию в академии, и только вследствие одобрения ее принимаются в службу, не получившие же одобрения изгоняются из государства. Академия должна блюсти за тем, чтоб в вере противностей, распрей и раздоров не являлось от противно-мыслящих православной вере. Блюститель должен доносить царю о таких противниках, и последним правительство не даст состязаться с блюстителем и учителями в вере и церковных преданиях. Список именам всех новообращенных в православие должен быть отдан блюстителю, который наблюдает за их поведением, и, если кто из них пошатнется в новом исповедании, таких ссылат в дальние города, на Терек и в Сибирь. Блюститель и учителя должны также усердно заботиться о том, чтоб всякого чина духовные и мирские люди волшебных, чародейных, гадательных и всяких церковию запрещенных богохульных и богоненавистных книг и писаний у себя не держали, по ним не действовали и других тому не учили. Людям неученым польских, латинских, немецких, лютерских и кальвинских и прочих еретических книг у себя в домах не держать; не читать их за неимением довольного рассуждения и чтоб не было сомнений в нашей вере; нигде никому не иметь споров по этим книгам и не представлять предлогов; есть такой обычай у прелестников: заведут спор да и скажут, что они это делают не потому, что сомневаются в вере и церковных преданиях, но просто для наукотворного состязания. Такие еретические книги жечь или приносить к блюстителю и учителям. Если какой-нибудь иностранец или русский обвинен будет в хуле на православную веру, то отдается на суд блюстителю и учителям, и если обвинение окажется справедливым, то преступник подвергается сожжению. Если какой-нибудь пришлец был прежде восточной веры, а потом примет веру римскую или лютерскую, кальвинскую или другую какую-нибудь ересь, такой должен быть предан сожжению; если же кто-нибудь прежде был римской веры, а потом принял лютерскую, такой должен быть наказан градским судом и сослан в ссылку. Государственная вивлиофика навеки предается в сохранение блюстителю училищ и учителям. Издержки построения училища принимает на себя казна.

Из этой любопытной привилегии мы всего яснее можем видеть господствующий взгляд времени на науку, на училище. Необходимость науки, училища признана, признана в интересах церкви; училище свободных наук устраивается для поддержки православия, которое не находит для себя этой поддержки на Востоке. Но здесь надобно поступать с

величайшею осторожностью, ибо наука., училище, учителя вместо поддержки православию могут нанести ему удар, надобно, следовательно, набрать учителей испытанного православия, и за учителями обращаются к вселенским патриархам, главным блюстителям православия. Но этого мало: православие окружено опасностями, люди, враждебные ему, люди римской, лютерской и кальвинской веры беспрестанно являются в Москву, их много в службе великого государя, прелестники будут действовать против православия, не разбирая средств, православию нужно бороться с ними неусыпно, и главным орудием для этой борьбы будет академия. Она уполномочена следить за всеми движениями врагов и бить всполох при первой опасности. Московская академия по проекту царя Феодора - это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: "Виновен в неправославии" - и костер запылает для преступника. И при царе Феодоре, как после при брате его Петре, наука призывалась с практической целью: разница в том, что при Феодоре она призывалась преимущественно на служение церкви, а при Петре - на служение государству.

И проект финансового преобразования, и проект отделения гражданских должностей от военных, и проект академии остались только проектами; 11 июля 1681 года у Феодора родился сын, царевич Илья; но всемирная радость, по тогдашнему выражению, была непродолжительна: царица Агафия умерла родами (14 июля). Польский автор не раз уже приводимого описания московской смуты 1682 года очень лестно отзывается о покойной царице, говорит, что она, будучи польского происхождения, много добра принесла царству Московскому, уговорив мужа снять позорные женские охабни, которые должны были носить ратные люди, бежавшие с поля сражения; по ее влиянию начали в Москве волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы польские и латинские закладывать, велено вынести из церквей образа, которые каждый прихожанин приносил и считал своими, перед ними исключительно молился и зажигал свечи, а другим не позволял. Эти поступки, продолжает автор, хвалили люди, принадлежавшие к партии царя Феодора, напротив порицали приверженцы Матвеева, говоря, что царь скоро введет ляцкую веру и, женись на польке, будет так же вести себя, как Дмитрий Самозванец, женившись на Марине Мнишек.

Царевич Илья через шесть дней последовал за матерью в могилу. Начали думать о втором браке. Конечно, не без влияния Языкова царь женился на свойственнице его, Марфе Матвеевне Апраксиной, девушке незнатного происхождения (14 февраля 1682 года), но через два месяца с половиною после этого брака, 27 апреля, Феодор скончался на двадцать первом году от рождения.

Возмужание царя, устранение Милославских, приближение Языкова, Лихачевых, а потом Апраксиных должны были иметь влияние на судьбу двух знаменитых деятелей прежнего царствования - Никона и Матвеева. Мы оставили Никона в монастыре Кирилла Белозерского, где он был гораздо более стеснен, чем в Ферапонтове. Но в Москве и в самом дворце нашлась у него сильная заступница: то была тетка царская, Татьяна Михайловна, старшая летами из особ царского семейства, благочестивая и тем более влиятельная. Царевна Татьяна была всегда привязана к Никону и теперь, воспользовавшись обстоятельствами, ослаблением влияния Милославских и Хитрово, начала внушать племяннику, как нехорошо с его стороны мучить в тесном заключении человека, оказавшего такие важные услуги всем им во время морового поветрия. Понятно, что в природе и в памяти Феодора царевна не могла найти сопротивления своим намерениям. По ее указанию государь начал ездить в недостроенный Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим), пленился местоположением, величественным, затейливым планом и не щадил издержек для довершения построек. Естественно, что в местах, где все напоминало Никона, а напоминало только с хорошей стороны, царь не мог забыть о нем. Он предложил патриарху перевести Никона в Воскресенский монастырь, но встретил в Иоакиме сильное сопротивление. Иоаким, очень ревнивый к своей власти и вследствие этой ревности имевший врагов, не мог допустить в соседство к Москве, к царю человека, продолжавшего называть себя патриархом, способного иногда смиряться при ударе, но сейчас же готового поднять голову, как только гроза миновала. Нельзя не вспомнить о слухах, ходивших между современниками, перешедших и к потомкам, которые не считали их вздорными. Есть известие, что Симеон Полоцкий, не уживавшийся с Иоакимом, хотел употребить Никона орудием для его удаления и уговаривал своего царственного ученика установить в России четырех патриархов на местах четырех митрополитов, в Новгороде, Казани, Ростове и Крутицах, послать Иоакима патриархом в Новгород, а Никона возвратить в Москву и назвать папою. Каких слухов не распространяли тогда и каким слухам не верили! Но и без подобных слухов Иоаким имел сильные причины не желать возвращения Никона в Воскресенский монастырь, а отказ дать свое согласие на это мог быть выражен очень благовидным образом: "Свержен он не нами, а великим собором и вселенскими патриархами: мы не можем возвратить его без их ведома; впрочем, государь, буди твоя воля", - говорил Иоаким царю. Созван был собор для решения этого дела, но собор ничего не решил; председатель собора был против, да и между другими отцами не легко было найти приверженцев Никона. Царю осталось утешить заточника собственноручным письмом.

Между тем Никон стал изнемогать. Кирилловский архимандрит известил патриарха, что заточник при смерти, принял схиму, освящен елеем; архимандрит спрашивал особых распоряжений насчет похорон: где положить, как поминать? Иоаким велел похоронить как простого монаха. Но Никон и на смертном одре не считал себя простым монахом, не думал

отказываться от патриаршества. В последнем письме своем к братии Воскресенского монастыря он называет себя патриархом; в этом письме Никон уведомляет о своей тяжелой болезни, приковавшей его к постели: "А милость великого государя была, что хотел меня из бедности взять, по вашему челобитью, и писал жаловал своею рукою, а ныне то время совершилось, а его милостивого указа нет, умереть мне будет внезапно. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости: побейте челом еще о мне великому государю, не дайте мне напрасною смертию погинуть, моего житья конец приходит". Воскресенские монахи подали это письмо государю; он показал его патриарху, другим архиереям, умоляя их согласиться на переведение умирающего. Наконец согласились. Никона взяли из Кириллова монастыря, с большим трудом довели до реки Шексны, где посадили на струг и повезли Шексною, а потом Волгою к Ярославлю. Когда доплыли до Толгского монастыря, Никон, чувствуя крайнее изнеможение, велел пристать к берегу и приобщился. После этого струг был введен из Волги в реку Которость: здесь Никон умер 17 августа 1681 года, 75 лет от рождения. Тело привезли в Воскресенский монастырь, где похоронили с большим торжеством, в присутствии царя.

Конечно, не плачевные челобитные и ловкие оправдания Матвеева, а перемены придворных отношений были причиною тому, что участь и пустозерских заточников в одно время с участью Никона, именно в 1680 году, была облегчена: их перевели в Мезень. Облегчение было не очень велико, если судить по новым жалобам Матвеева: "А и на Мезень велено нас переволочь от Пустозерского и горькослезного места, от моря к тому же пустому морю, за тою ж теснотою и стражею темничною, - писал Матвеев государю, - а и на Мезени нам тунедателей нет; жалованья дано 150 рублей, и того будет на день нам и сиротам нашим по три денежки, а на одежду нам твоего государева милостивого указа нет. А и противникам церковным, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дети, и тем жалованья на день по грошу на человека, а на малых по три денежки, а мы не противники ни церкви, ни вашему царскому повелению; плачу, что ветхий сединою, древен работами сверстан кормом с единоголетним". В конце 1681 года царь Феодор помолвлен на Апраксиной, которая, как говорят, была крестница Матвеева. Первым делом невесты царской было - бить челом жениху о крестном, и в первых числах января 1682 года в Мезень приехал капитан Лишуков с указом объявить Матвееву и сыну его, что царское величество, рассмотря их невинность и бывшее на них ложное оклеветание и милосердя о них, указал их из-за пристава освободить, московский их двор, подмосковные и другие вотчины и пожитки, оставшиеся за раздачею и продажею, возвратить, сверх того пожаловал им государь новую вотчину в Суздальском уезде - соло Верхний Ландех с деревнями, 800 дворов крестьянских, и указал отпустить их из Мезени в город Лух, где ждать им нового указа. Но этого указа они уже не дождались от Феодора.